

The First International conference on development of historical and political sciences in Eurasia

21th September, 2014

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education
GmbH, Vienna, Austria

**Vienna
2014**

«The First International conference on development of historical and political sciences in Eurasia».

Proceedings of the Conference (September 21, 2014). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, 2014. 40 P.

ISBN–13 978-3-902986-40-5

ISBN–10 3-902986-40-9

The recommended citation for this publication is:

Orzechowska K. (Ed.) (2014). The First International conference on development of historical and political sciences in Eurasia. Proceedings of the Conference (September 21, 2014). Vienna, OR: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna.

Editor	Kamila Orzechowska, Poland
Editorial board	Valery Gurchin, Ukraine Nóra Szekeresné, Hungary Jessica Nadel, Austria Rangel Bonev, Bulgaria Jacek Mikołajczyk, Poland
Proofreading	Andrey Simakov
Cover design	Andreas Vogel
Contacts	“East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. History of the world

*Gusarova Anastasiia Valeriivna,
V.N. Karazin Kharkiv National University
postgraduate student, the department of psychology
E-mail: nasucha@bigmir.net*

JAPAN'S LINE OF POLICY IN THE SPHERE OF EDUCATION IN THE 1980S

Abstract: The article is devoted to the historical changes in the Japanese educational system, to be more exact the period to be analyzed occupies the decade from 1980 till 1990. The background of the new reforms is considered. The main problems existing in the sphere of education during the mentioned period are analyzed. The phenomenon of effective Japanese education is given. The political concern to educational problems and education itself are described. The role and the actual functions of the Ministry of Education of Japan are given.

Keywords: education in Japan; the background of Nakasone's reform; "ijime"; educational problems in Japan; policies in the sphere of education in Japan; effective Japanese education.

The level of life in Japan in the 80s could be considered as pretty high. High standards of medical care, considerable growth of salaries, achievements in the field of electronics and electric appliances, even healthy food and healthy lifestyle can prove the above-said. Thus, as we see, the changes in economic sphere led to and meant the changes in social life. The latter Prime Minister Nakasone aimed later as one of the main goals in his policy.

Even the style of labour relations changed: good employees were no longer just those with good educational background. The main advantage, as employers noted it, was individuality and creativity. Hence, the system of payment was reformed too: one could get paid more due to his or her own efforts shown and personal achievements at work, and not anymore due to the number of years spent at work. Such employers' position was one of the reasons of the future reforms in the sphere of education¹.

In general, Japanese education aims to help a child to develop and reach the maximum of what he or she can by the means of collaboration of people, priorities and processes at different levels. The key to the effectiveness of such education is the coherence of goals and methods at this every level, which is home, school and policymaking institutions.

As many researchers of Japanese culture and history contend, the great emphasis on education was the first reason of Japan's development in the Meiji period and of the postwar economic miracle. Academic success at school was and still is for the Japanese a good indicator of the future success: school does the proper selecting itself².

¹ Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркаръян С. Б. История Японии. XX век. – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007.

² White, Merry. The Japanese educational challenge/Merry White. – The Free Press, N. Y., 1988.

Nevertheless, as in any other country, Japanese education of the analyzed period faced some problems. The biggest of which could be referred to as “a school refusal syndrome”. The notion encompasses different types of behavior in which children resist attending school. According to Margaret Lock’s research, “the rate of long term absence from junior high in 1982 was only 0.36% of all the students”, but, as she marks out, the prior reason of this problem lies in these children’s mothers, who are overindulgent and devoted to their children¹. On the other hand, the Ministry of Education defines the home environment and the absence of father as the crucial factors of “a school refusal syndrome”.

Another big problem to be mentioned is dramatic violence against teachers or sometimes against parents. The statistical incidence of the murders of that period is quite small, but still highly publicized. The next sensational problem among Japanese students is suicide. During the 80s the rate has declined among the 15 to 20-year-old age group, with 10,8 cases per 100 000. Among the main reasons of suicides psychotherapists name personal failure in examinations and the increase of peer pressure. The latter became a real phenomenon starting since the beginning of the 80s (“ijime” in Japanese, that is bullying). According to Japanese psychologists, the children who are hounded by others are different, as they have “dark personalities”: not communicative, too quiet, and keep everything inside.

The survey hold in 1984 among junior high school students showed that 40% of the Japanese had been teased or assaulted by their classmate. Among those 40% 7 children committed suicide due to verbal and psychological abuse by others. Thus, Japanese psychologists of that period stated that “ijime” showed and proved the deviances in the existing system of education, and that such system did not harness energy and ambitions proper way.

Finally, under the pressure of mass-media the Ministry of Education created a committee on ijime that had to conduct a full research on the problem. But why would we pay so much attention to the problems in the sphere of education in the 80s if the article mainly devoted to the changes in the educational system of that period? The following citation is given not only to answer this particular question and to unveil the policies before Nakasone-period, but also to show a lot of interesting and potential paths for other researches: “... One suspects that Japan’s more conservative leaders, though they are prepared to shake their heads over the system with those who deplore it, are secretly well-satisfied. The examination hell sorts the sheep from the goats; a man who can’t take the psychological strain would be no use anyway...”².

One more interesting topic to discuss would be the Ministry of Education of Japan. To be more exact, its actual functions during the 80s. “It is responsible for the uniform content and even distribution of educational resources across the population”, as the ministry itself never was to elite political concerns, because “the Japanese educational system met the needs of employers and employees”³. In accordance with the above-said, the ministry is regarded as quite a conservative as for creating the content and managing administration of the process of education. The functions of the ministry of the analyzed period were: to direct curricula, to approve textbooks, to generally supervise all the aspects of education, to draft the bills, to prepare the budget, to establish and to direct surveys and research institutes, to supervise museums and grants related to culture and education. The minister, who was a political appointee, was to supervise 5 bureaus: elementary and secondary education, higher education, social (adult) education, physical education and administration.

The most important advisory committee was the Liberal Democratic Party’s Educational Committee. It was considered to have conservative influence on Japanese education. The Teacher’s Union, which was

¹ Lock, Margaret. “Pleas for Acceptance: School Refusal Syndrome in Japan.” Unpublished paper presented at Association for Asian Studies Annual Meeting, Philadelphia, March 1985.

² Cited from: White, Merry. *The Japanese educational challenge*/Merry White. – The Free Press, N. Y., 1988. – p. 144.

³ White, Merry. *The Japanese educational challenge*/Merry White. – The Free Press, N. Y., 1988.

meant to be a source of new ideas, was an actual irritant for the ministry. The Teacher's Union with its ideas supporting the reforms of the postwar period opposed to LDP, who were for "re-Japanization". In other words, as M. White describes their co-existence: "liberals" wanted to conserve the system, while the "conservatives" want to change.

Resulting from all the aspects we have just mentioned above, in 1985 an ad hoc Committee on Educational Reform was established by Prime Minister Nakasone, the main goal of which was to conduct a deep research inside the educational system and develop new ideas for improving it. After such a full 3-year long study Committee and its bodies announced the main issues to take care of: tracking in secondary school, the system of examinations, the restructuring of secondary education, improving the environments in schools to increase creativity and individual development, and fostering the international view and capabilities in children.

Following Christopher Hood, who offered to challenge the belief that "a Japanese Prime Minister cannot greatly influence policy", but at the same time he showed that the education reforms by Nakasone changed the system a lot, we would like to emphasize the importance of the reforms made by Nakasone. The brilliant example would be the creation of a number of bodies which had to conduct further studies on all the issues.

"However, the agenda that was initially set by Prime Minister Nakasone has been followed for over ten years, which would suggest that his personal involvement was both important and significant, and was also not a "failure"¹.

References:

1. Christopher P. Hood. Nakasone Yasuhiro and Japanese Education Reform: Revisionist View //Materials for the East Asia Research Seminar, May 21st, 1997.
2. White, Merry. The Japanese educational challenge/Merry White. – The Free Press, N. Y., 1988.
3. Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркаръян С. Б. История Японии. XX век. – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007.

¹ Christopher P. Hood. Nakasone Yasuhiro and Japanese Education Reform: Revisionist View//Materials for the East Asia Research Seminar, May 21st, 1997.

Shishlov Maxim Ivanovich
A History teacher Secondary school № 21 Pavlodar, Kazakhstan
E-mail: hihlov9@gmail.com

ECONOMY AND CULTURE OF KAZAKH PEOPLE IN PAPRES OF RUSSAIN RESEACHERS IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

Studying history of Kazakhstan in a period of joining to Russian, especially the last period, is one of the actual problem of native history. The opinion directed to suggest an idea about economic backwardness, lack of culture being colonized by Russia, so it was in the period of Soviet Power, predominated for many years. To authorize colonial policy, developing history favorable paradigm was imposed. The idea of saving from starvation based on absence of own developed civilization was put into people's mind and people perceived policy of colonization as inevitableness. Having got independence Kazakhstan people could study authentic facts about the past of the country. It is worthwhile to study researches of Russian historians and scientists. Studying these papers it is necessary to use critical approach because of subjectivism presence, some conclusions are not objective as scientists did not take into consideration interconnection of climate peculiarities, structures of conducting, economy and nation's mentality.

To study economy and culture of Kazakh people the author paid attention to the works of such researchers, as A. I. Levshyn, M. Krasovsky, G. M. Bronevsky, and N. K. Konshyn. There papers relate to XIX century and contain material about middle zhuz — Pavlodar area belongs to.

In their papers A. Levshyn, M. Krasovsky, G. Bronevsky and N. Konshyn in details describe economy, customs, traditions and the Kazakh way of life. In the article "Describing Kirgiz — Kazachy or Kirgiz — Kaisatsky hordes and steppes" A. Levshyn writes that Kazakh people had a lot of cattle which were the main object of home and foreign trade, he also describes customs and traditions of Kazakh people. The author gives conception of name origin. Clothes, armament, likings are described in the article.

M. Krasovsky in his work "Region of Siberian Kirgiz" says that at that time there was home and foreign trade. The author describes customs, traditions and religious education which was available for well-to do groups of society. Talking about home needle-working, the author points out that the first place was taken by wool, especially manufacturing koshma¹.

Especially interesting materials about hunting and fishing by M. Krasovsky. They used different approaches to breeding and feeding of a species of domestic animals. It proves that the Kazakh knew animal' habits, could turn good local conditions in their own advantage. We understand that fishing was out of vital importance. We understand it reading "It doesn't matter how palatable fish was — mutton was better. Poor people replaced fish for meat²."

A researcher major — general labeled people as illiterate and ignorant still remained in primitive simplicity³ being joined by the state unity. In his papers we can find information about khans raising to the throne, list of their names. The author pays much attention to the Kirgiz armament consisting of matchlock gun, saber, bow with arrows and aibalty an axe with a long helve⁴.

¹ Krasovsky M. Region of Siberian Kirgiz. In a book: Materials for geography and statistics of Russia, collected by the officers Of General army head quarters. Sib. 1868.

² Ibid.

³ Bronevsky G. M. Notes about Kirgiz – Kaisac Middle horde. Sib. 1896.

⁴ Ibid.

G. Bronevsky describing spiritual life comes to conclusion that Kirgiz plasticizing Mohamed laws are ignorant in other ways¹. It is connected with preserving and sending pagan traditional ceremonies to Moslems.

The beauty of the land is described by N. Konshyn in "From Pavlodar to Karkaralinsk: road notes. He admires the nature of Kazakhstan. Bayan aul stanitsa became one of the famous country place in steppe regions. Healthy fresh air, a lake, pinery, picturesque sites make this territory as the best place to improve health².

Here you read information how trade was developed. For example: a trade fair is usually held in May 25 — June 25. Fair buildings in shape of four long rows are placed on a flat country. Manufactured goods by A. Derov (form Pavlodar) Volkov brothers and another great traders are sold here³.

Thus, researchers sent by the government of Russian Empire to study life of Kazakh people in order to use these researches for further for carrying colonial policy out, proved the presence of own civilization. More over these materials are evidence of existing state institution and legal relations in nomadic society.

References:

1. Bronevsky G. M. Notes about Kirgiz – Kaisac Middle horde. Sib. 1896. 500 p.
2. Konshyn N. K. From Pavlodar to Karkaralinsk: industry and commerce. Road notes. Pavlodat. 2001. 300 p.
3. Krasovsky M. Region of Siberian Kirgiz. In a book: Materials for geography and statistics of Russia, collected by the officers Of General army head quarters. Sib. 1868. 540p.
4. Levshyn A. I. Describing Kirgiz – Kazachy or Kirgiz – Kaisatsky hordes and steppes. Almaty. Sanata 1996. 530 p.

¹ Bronevsky G. M. Notes about Kirgiz – Kaisac Middle horde. Sib. 1896.

² Konshyn N. K. From Pavlodar to Karkaralinsk: industry and commerce. Road notes. Pavlodat. 2001.

³ Ibid.

Section 2.

Historiography, source criticism and methods of historic research

*Dalibor M. Elezović, University of Mitrovica, Serbia
PhD, Department of History
E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs*

HISTORIANS IN THE AGE OF DIGITALIZATION OF ARCHIVAL DOCUMENTS

Modern historian found himself in a new situation in a time of digitizing archival documents that are available on the internet. Digitization of archival and library materials is carried out in order to protect the original, increasing the accessibility and usability of documents. It is a newspaper which is a consequence of global technological development and efforts of society to protect cultural heritage. One of the ways to protect cultural heritage is the digitization of archival materials¹.

Thus, the historian came to a position that allows easy access to archive materials and placed before him some questions about the traditional ways of historical research, primarily methodological and criticism of sources and checked credibility of these sources. Digitalization is part of the Action Plan of the European Union that was agreed on meeting in Lund, Sweden in 2001. It was concluded that Europe's cultural and scientific resources are unique public good that needs to make available by development of digital industry in accomplishing knowledge society².

Digitization is the recording of documents in electronic form. Digitized documents can be read, copied to multiple places or printed, and thus is permanently protected³. Digitization of archival, library and museum materials is carried out in order to protect the original, increasing the accessibility and usability of material to create new offers or services to customers or to complement the existing fund⁴.

In the case of archive, digitization can be understood as a transfer of archives and information about it in digital form. Digitization of the archival material except the basic importance — its protection from excessive use, also provides lots of other benefits. Working with archives and information about it can significantly speed up and simplify. Digitization enables two-way delivery of information — from the material itself and the archives. What digitization cannot replace, but may accelerate and simplify, are classic manipulative tasks in settling archives. These activities and quality of their performance are the basis for good quality digitization of archival materials.

¹ Gillman D. *The idea of Cultural heritage*. Cambridge. 2010, 147–148; Василева С. *Културно наследство и устойчиво развитие: концепти, политики, добри практики*. Софија. 2013, 154–155

² Francesco G. *Prema dogovorenoj evropskoj platformi za digitalizaciju kulturnoga i znanstvenoga nasledja Minerva*. *Muzeologija*. – 2007. – 41/42, 137.

³ Делетић З. *Истраживање историје*. К. Митровица. 2014, 305.

⁴ Aigner T. *Strategien zur digitalen Bereitsstellung historischer Quellen aus den Archiven der niederostereichischen Ordensstifte*. – *Der Archivar*. – 8. – 2000, 295–300.

Digitization is a process that can be realized in two levels; higher level of digitization of archival materials means the digitization of the same through appropriate computer program with a database, which would allow a quick search, access and use of archival materials and information possessed by archival documents. The lower level includes scanning and depositing the same order of scanning, without the ability to quickly search the documents on a basis¹.

Specific technical requirements dictate the different communication systems to manage text, and storage of digital data. There are media hosting ASCII, and CD-ROM. Then there is the HTML, descriptive language in computer science specially designed for the description of the web page directly. Text can be PDF format, which uses recorded two-dimensional documents independent of devices and resolutions. However, any of these methods can be offered in parallel².

If we consider that the basic historical research includes the application of analysis and synthesis, abstraction, concretization, generalization and a number of other logical-cognitive methods and procedures. Historical method involves temporal and spatial location of the object of research and critical processing of certificates stored on it. Archival material represents fundamental source of the majority of historical research, and its availability is of great importance for researchers³.

Today, the historian found themselves in the new circumstances in which digitalization is carried and archival material is available on the internet. German archivists Burkhardt sees fundamental problems in digitalization archives through attempts to archive material presented on the internet, it's a great project that takes time. Digitization of archival material is far from the situation in which researches will not have to go to the archive department. It is one of the purposes of digitalization and seen in the protection of original documents⁴.

Digital archive is substantially important for researchers, depending on the form of digitized documents. It is necessary to analyze the various forms of digitized archival materials in a variety of digital archives. In the foreground is the Sahlée originality and its sustainability in the digital archives⁵.

There should be taken into account some limitations of the information industry, which is not all-powerful. Then the quality of data with respect to each digitized document, as well as a way of collecting these data. Regarding the digitization of archival documents, Sahle highlights another issue. It is a traditional publishing historic source is methodologically defined even in the 19th century. It is about professional and methodological framework of the printed publications of historical sources. Traditional scientific editions of historical documents are deeply rooted in the scientific culture. Even today (if done according to methodological standards), it is the best way of archival publications for researches⁶.

¹ Цветковић, С. Дигитализација у архивима Србије. Архив. – 2010. – 11, 80–83; Лекић Б. Архивистика. Београд. 2006, 196–200.

² Gross M. *Suvremena historiografija: korijeni, postignuća, traganja*. Zagreb. 2001, 363; Kolanović J. *Vrednovanje arhivske gradje u teoriji i praksi*. Arhivski vjesnik. – 1995. – 38, 7–22; Burkhardt M. *Arbeiten im Archiv. Praktischer Leitfaden für Historiker und andere Nutzer*. Paderborn. 2006, 12–16; Делетић З. *Истраживање историје*. К. Митровица. 2014, 30–34.

³ Sahle P. (Göttingen) *Digitales Archiv – Digitale Edition. Anmerkungen zur Begriffsklärung*, Hrg. M. Stolz, L. M. Gisi, J. Loop, *Literatur und literaturwissenschaft auf de weg yu den neuen Medien eine Standort bestimmung* Zurich. 2007, 14; Kampffmeyer U. *Elektronische Archivierung und Storage – echnologien*. Hamburg. 2003. http://www.projectconsult.net/files/Archivierung_Storage_20031208.pdf (5.09.2014), 8–5.

⁴ Burkhardt M. *Arbeiten im Archiv. Praktischer Leitfaden für Historiker und andere Nutzer*. Paderborn. 2006, 91–94, 107.

⁵ Sahle P. (Göttingen) *Digitales Archiv – Digitale Edition. Anmerkungen zur Begriffsklärung*, Hrg. M. Stolz, L. M. Gisi, J. Loop, *Literatur und literaturwissenschaft auf de weg yu den neuen Medien eine Standort bestimmung* Zurich. 2007, 2.

⁶ *Ibid*, 10–11.

Modern historians assess the importance of the process of digitalization of historical research approach with caution. This process, in addition to all the benefits (protection of original archival materials, the availability of research, reducing the cost of research), cannot be fully extent of meeting the most stringent requirements of historical methodology. There is also the question of the possibility of preserving authenticate archival documents about the nature of the digital industry. Researchers cannot rely only on the research of digital archival documents, particularly because of the small percentage of archives implied by digitization. Therefore, historians will stay for a long time in the archive reading rooms.

References:

1. Aigner T. Strategien zur digitalen Bereitsstellung historischen Quellen aus den Archiven der niederösterreichischen Ordensstifte. – *Der Archivar*. – 8. – 2002. – p. 295–306.
2. Burkhardt M. *Arbeiten im Archiv. Praktischer Leitfaden für Historiker und andere Nutzer*. Paderborn. 2006. – 135 p.
3. Цветковић, С. Дигитализација у архивима Србије. *Архив*. – 2010. – 11. – P. 79–84.
4. Делетић З. Истраживање историје. К. Митровица. 2014. – 345 p.
5. Francesco G. Prema dogovorenoj europskoj platformi za digitalizaciju kulturnoga i znanstvenoga nasljedja Minerva. *Muzeologija*. – 2007. – 41/42. – p. 137–146.
6. Gillman D. *The idea of Cultural heritage*. Cambridge. 2010. – 204 p.
7. Gross M. *Suvremena historiografija: korijeni, postignuća, traganja*. Zagreb. 2001. – 483 p.
8. Kampffmeyer U. *Elektronische Archivierung und Sorage – echnologien*. Hamburg. 2003. http://www.projectconsult.net/files/Archivierung_Storage_20031208.pdf (5.09.2014)
9. Kolanović J. Vrednovanje arhivske gradje u teoriji i praksi. *Arhivski vjesnik*. – 1995. – 38. – p. 7–22.
10. Лекић Б. *Архивистика*. Београд. 2006. – 309 p.
11. Sahle P. (Göttingen) *Digitales Archiv – Digitale Edition. Anmerkungen zur Begriffsklärung*, Hrg. M. Stolz, L. M. Gisi, J. Loop, *Literatur und literaturwissenschaft auf de weg yu den neuen Medien eine Standort bestimmung* Zurich. 2007. – p. 64–84.
12. Василева С. *Културно наследство и устойчиво развитие: концепти, политики, добри практики*. Софија. 2013–278 p.

*Merkulova Anastasiia,
Staatliche Universitaet Sankt-Petersburg,
Student im Masterstudiengange, Historisches Institut..
E-Mail: anmerkulova@gmail.com*

DIE GESCHICHTE OSTPREUSSENS IM ZWEITEN WELTKRIEG IN DEN SOWJETISCHEN UND RUSSISCHEN HISTORIOGRAFIEN

*Меркулова Анастасия,
Санкт-Петербургский Государственный Университет,
Студентка 1 курса магистратуры, Институт Истории.
E-Mail: anmerkulova@gmail.com*

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЯХ

В настоящее время существует множество исследований по истории Второй Мировой войны. Однако по военной истории Восточной Пруссии написано гораздо меньше работ, чем по другим аспектам войны. Кроме того, изданная литература не всегда является качественной и основана на достоверных источниках. В данной статье будут рассмотрены работы советских и российских специалистов по истории региона и проанализировано их содержание.

Советская и российская историографии богаты исследованиями непосредственно по боевым действиям в Восточной Пруссии, что подтверждается в кандидатской диссертации В. Гончарова¹. Важно отметить, что много работ написано самими участниками боевых действий. Однако, несмотря на использование в них архивных материалов, они носят мемуарный характер (например, воспоминания командующих 2-м и 3-м Белорусскими фронтами К. К. Рокоссовского и А. М. Василевского) и являются источником по данной теме.

В 1969 году в научно-популярной серии «Героическое прошлое нашей Родины»² вышла книга М. А. Алексеева «Первые в логове врага»³. Это исследование посвящено событиям осени 1944 года, когда войска 3-го Белорусского фронта вторглись и закрепились в Восточной Пруссии. В работе используются материалы архива Министерства Обороны СССР. Несмотря на одностороннее изложение событий, а так же сглаживании «острых углов» (например, в работе не указывается острый недостаток продовольствия, оружия, а так же число погибших советских солдат в боевых действиях осенью 1944 года), работа является важной для исследователей, т. к. на данный момент является единственной, где в комплексе рассматриваются события осени 1944 года.

В 2002 году вышла книга Д. В. Ионова «Это было в сорок пятом»⁴, посвященная деятельности 43-й армии в Восточной Пруссии. Особое внимание в исследовании уделяется взятию города Кранц (Зеленоградск). Д. В. Ионов вел работу над книгой почти 20 лет, собирая как архивные материалы, так и воспоминания оставшихся в живых сослуживцев.

¹ Гончаров В. В. История Восточной Пруссии и Калининградской области в отечественной и зарубежной историографии 20-начала 21 века: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.09/МГОУ. – М., 2009. С. 18.

² «Героическое прошлое нашей Родины» – серия научно-популярных изданий, посвященных военной истории России и СССР. Выходила в 1960-е–1990-е под эгидой Военного издательства Министерства Обороны.

³ Алексеев М. А. Первые в логове врага. – М.: Воениздат, 1969.

⁴ Ионов Д. В. Это было в сорок пятом. – Калининград: Янтарный сказ, 2002.

В 1960 году вышла книга «Гумбинненский прорыв»¹ А. Д. Харионова, участника того сражения. Кроме событий 13–22 января 1945 года, дается детальное описание оборонительных сооружений немцев, а так же характеристика местности. Однако описание событий сражения не подкреплено никакими источниками, что делает данную работу сомнительной в научном плане.

Два издания (1997 и 2006) выдержала книга В. Н. Строкина «Так штурмовали Кёнигсберг»². В. Н. Строкин был участником Великой отечественной войны, но не принимал участие в Восточно-Прусской операции. Тем не менее, большую часть своей жизни он провел в Калининградской области, занимаясь краеведением. «Так штурмовали Кёнигсберг» представляет собой наиболее полную работу, которая освещает не только штурм Кёнигсберга, но и события, происходящее во всей провинции с осени 1944 года до мая 1945 года. За основу брались данные Государственного архива Калининградской области, а так же воспоминания участников операции, как советских, так и немецких. Методист музея БФУ им. И. Канта Р. В. Королева отмечает, что книга не лишена изъянов³. В частности, автор не рассматривал роль Балтийского флота в операции «Земланд»⁴. Тем не менее, недочеты компенсируются доступным изложением, в основу которого положен тематико-хронологический подход, и подробным описанием оборонительных сооружений Кёнигсберга с приложением в виде схем⁵. Помимо этого стоит отметить, что В. Н. Строкин при описании штурма Кёнигсберга подробно останавливается на планах каждой из армий, принимавших участие в штурме (11-й гвардейской, 43-й, 39-й, 50-й), а так же подробное описание их продвижения. Как и в работе Д. В. Ионова, в данной книге присутствуют рассказы о подвигах советских солдат и офицеров, что «позволяет «очеловечить войну» и принести в текст особую атмосферу»⁶.

Обращаясь к современной калининградской исторической школе, нельзя не выделить профессора БФУ им. И. Канта, доктора исторических наук Г. В. Кретинина. В труде «Очерки истории Восточной Пруссии»⁷, написанной в соавторстве с В. Н. Брюшинкиным и В. И. Гальцовым, одна из глав посвящена истории региона в годы Второй мировой войны и написана им. Впервые в отечественной историографии была рассмотрена повседневная жизнь провинции в годы войны. Кроме того, Г. В. Кретинин рассмотрел такую проблему в жизни Восточной Пруссии в те годы, как недостаточное снабжение и контрабанда. Описанию боевых действий отводиться незначительная часть: наибольшее внимание уделяется трагедии в Неммерсдорфе и штурму Кёнигсберга.

Помимо «Очерков» у Г. В. Кретинина выходят различные статьи по истории края. Одна из них — «Гибель крепости Кёнигсберг», вышла в сборнике «Кёнигсберг-Калининград»⁸ в 2005 году. В ней рассматривается поэтапно история города в первые месяцы 1945 года, а так же ход боевых действий 6–9 апреля 1945 года.

¹ Харитонов А. Д. Гумбинненский прорыв. – М.: Военное издательство Министерства Обороны СССР, 1960.

² Строкин В. Н. Так штурмовали Кёнигсберг: краткая хроника событий. – Калининград: Янтарный сказ, 2006.

³ Королева Р. В. «Так штурмовали Кёнигсберг. Краткая хроника событий»//Калининградские архивы. 2008. № 8. Доступно из: <http://www.gako.name/mainsite/kaliningradarchives/-8/417-1-г> (Дата обращения 24.03.2014).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Королева Р. В. «Так штурмовали Кёнигсберг. Краткая хроника событий»//Калининградские архивы. 2008. № 8. Доступно из: <http://www.gako.name/mainsite/kaliningradarchives/-8/417-1-г> (Дата обращения 24.03.2014).

⁷ Очерки истории Восточной Пруссии/Кретинин Г. В., Брюшинкин В. Н., Гальцов В. И., и др. – Калининград: Янтарный сказ, 2002.

⁸ Маслов В. Н. Кёнигсберг-Калининград: город, история. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.

Еще одной работой калининградских историков является труд В. И. Гальцова, В. С. Исупова и В. И. Кулакова «Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны»¹. Касательно боевых действий во Вторую мировую войну здесь дается мало сведений. Тем не менее, как и в «Очерках истории Восточной Пруссии», особое внимание уделяется повседневной жизни региона в годы войны.

Просмотрев доступную русскоязычную историографию, становится ясно, что военная история Восточной Пруссии недостаточно изучена. Однако видны и векторы развития — в последнее время предпочтение отдается исследованиям в области повседневной жизни, а не крупным событиям.

Список литературы:

1. Алексеев М. А. Первые в логове врага. – М.: Воениздат, 1969.
2. Гальцов В. И., Исупов В. С., Кулаков В. И. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны. – Калининград: Книжное издательство, 1996.
3. Гончаров В. В. История Восточной Пруссии и Калининградской области в отечественной и зарубежной историографии 20-начала 21 века.: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.09 /МГОУ.М.,2009.
4. Ионов Д. В. Это было в сорок пятом. – Калининград: Янтарный сказ, 2002.
5. Маслов В. Н. Кенигсберг-Калининград: город, история. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.
6. Строкин В. Н. Так штурмовали Кенигсберг: краткая хроника событий. -Калининград: Янтарный сказ,2006. Харитонов А. Д. Гумбинненский прорыв. -М.: Военное издательство Министерства Обороны СССР, 1960.
7. Харитонов А. Д. Гумбинненский прорыв. – М.: Военное издательство Министерства Обороны СССР, 1960.
8. Очерки истории Восточной Пруссии/Кретинин Г. В., Брюшинкин В. Н., Гальцов В. И., и др. – Калининград: Янтарный сказ, 2002.
9. Королева Р. В. «Так штурмовали Кенигсберг. Краткая хроника событий»//Калининградские архивы. 2008. № 8. Доступно из: <http://www.gako.name/mainsite/kaliningradarchives/-8/417>—1-г (Дата обращения 24.03.2014)

¹ Гальцов В. И., Исупов В. С., Кулаков В. И. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны. – Калининград: Книжное издательство, 1996.

Section 3. History of Russia

*Adukanova Nadezhda Anatolevna,
Vitus Bering Kamchatka State University,
student, Socio-Economic Department
E-mail: nadezhda_adukano@mail.ru*

DEFORMATION OF THE CHURCH-STATE RELATIONS IN KAMCHATKA IN 1920 — EARLY 1930S

*Адуканова Надежда Анатольевна,
Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
студент, Социально-экономический факультет
E-mail: nadezhda_adukano@mail.ru*

ДЕФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА КАМЧАТКЕ В 1920 — НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Вопрос о взаимоотношениях государства и церкви — вопрос чрезвычайной важности и сложности, вопрос, решение которого во многом определяло и определяет ход мировой истории. Человечество имеет богатый опыт государственно-церковных отношений. Эпоха гонений сменялась периодами терпимости, «симфония властей» уступала место стремлению государства подчинить себе церковь, политика конкордата и политика притеснения нередко сопутствовали друг другу. Менялись формы взаимодействия этих властей, принимались правовые акты, которые отменяли прежние и устанавливали новый порядок (а нередко и сам характер) государственно-церковных отношений¹.

С установлением советской власти в 1917 году (на Камчатке советская власть была установлена в ноябре 1922 г. — Н. А.) радикально изменились и государственно-церковные отношения. Церковь отделялась от государства и школы от церкви. Все конфессии уравнивались в правах, церковь теряла статус официальной, государственной, первенствующей и, соответственно, лишалась былых привилегий, земли и имущества. В компетенцию церкви теперь не входило исполнение государственных функций². Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что обращаясь к архивным документам, возникает необходимость раскрыть сущность, содержание и значимость шагов, направленных на отделение церкви от государства и школы от церкви, на обеспечение действительной свободы совести на Камчатке в 1920 — начале 1930-х гг.

¹ Церковь и государство (история правовых отношений)/Священник Алексей Николин. – Издание Сретенского монастыря, 1997. – С. 7.

² Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск. Частная коллекция, 2001. – С. 7.

Особый интерес представляют документы, дающие возможность проследить, как конкретно на местах (что очень важно!) проходила реализация нормативных актов, циркуляров и инструкций Центра. Дальневосточная специфика вкупе с дефицитом кадров и отсутствием опыта усугубляла трудности этой работы.

Судя по документам, местные власти в двадцатые годы провели беспрецедентную работу по инвентаризации культового имущества, передаче его в бесплатное пользование верующим, заключению договоров с религиозными общинами. Одновременно осуществлялись отделение школы от церкви, организация работы ЗАГСов и передача им изъятых из церковей метрических книг, активно разъяснялись принципы свободы совести. Стремление партийных и советских органов претворить их в жизнь зачастую находило поддержку масс, в том числе верующих. Это стало одним из слагаемых в нормализации государственно-церковных отношений¹.

Трудно сказать почему, но, тем не менее, Камчатка была первым регионом в послереволюционный период: Троцкий сообщил в Москву о том, что с Православием здесь покончено окончательно. Господь ведает, а история разберется, почему так произошло. А дальше началось нечто невообразимое. За несколько лет все 50 храмов и часовен были уничтожены. Все помещения, все то, что было создано камчатскими миссионерами, было уничтожено. И Камчатка была объявлена первым антирелигиозным регионом России².

Представленные в статье документы не претендуют на исчерпывающую полноту освещения истории религии и церкви на Камчатке. Для этой работы отбирались наиболее типичные архивные документы, дающие возможность восстановить конкретную картину государственно-церковных отношений и религиозную ситуацию на Камчатке в 1920 — начале 1930-х гг.³

Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁴ от 20 января 1918 г. начал реализовываться на Камчатке только в 1923 г.⁵, после окончательного установления советской власти. В сельские и волостные ревкомы поступила инструкция (извлечение из «Порядка проведения в жизнь декрета Народного Комиссариата Юстиции»⁶), описывающая порядок реализации декрета на местах. В нее входили следующие обязательные пункты: произвести регистрацию групп верующих (при этом составить список верующих общим числом по возрастам), экспроприировать наличные капиталы вероисповедных ведомств, произвести опись церковного имущества⁷.

При проведении Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» власти действовали довольно оперативно, стараясь закрыть все действующие на полуострове церкви.

На Камчатке одним из первых селений, жители которого 28 ноября 1923 г. отказались от своей церкви, была Карага (Дранкинская волость). «Утварь [закрытой церкви] передали волревкому для отсылки в адрес райкомиссии “Последголод”». Но, как следует из акта Карагинского сельского комитета, «потолок [этой] церкви разваливается, само здание скоро упадет».

¹ Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск. Частная коллекция, 2001. – С. 7.

² Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. Р-185. Оп. 5. Д. 1. Л. 1–2.

³ Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск. Частная коллекция, 2001. – С. 13–14.

⁴ ГАКК. Ф. Р-185. Оп. 5. Д. 1. Л. 1–2.

⁵ ГАКК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 1а. Л. 15 (об) – 16.

⁶ ГАКК. Ф. Р-185. Оп. 5. Д. 1. Л. 7–8.

⁷ Глинчикова Е. В. Православие и советское государство на Камчатке в 1920-х – начале 1930-х гг. // Вопросы истории Камчатки. Выпуск 4. – Петропавловск-Камчатский: Холд.комп. «Новая книга», 2009. – С. 120–121.

Дранкинскую церковь закрыли «ввиду отсутствия верующих», хотя в это довольно сложно поверить, так как если бы там действительно не было верующих, вряд ли бы жители продолжали содержать здание.

В марте 1925 г. передали «на культурно-просветительские цели» часовню с. Машура. Часовню в Козыревске в это же время превратили в клуб¹.

В Тигильской волости реализацию Декрета начали осенью 1924 г. О проделанной работе в своем отчете от 2 сентября 1925 г. сообщает глава волревкома: «Лесновская, Кинкильская, Паланская и Седанкинская религиозные группы принять церкви и часовни отказались. Об отказе принять верующими Паланскую церковь тоже зафиксировано в протоколе сельского общественного собрания... Переведено на хранение сельревкомом богослужбное имущество. Воямпольская часовня передана группе верующих. В селениях Напана и Аманино богослужбных домов и имущества не имеется, в с. Кахтана богослужбного здания тоже не имеется, а имеющееся богослужбное имущество передано на хранение сельревкому. Тигильская церковь до сего времени так и остается не переданною, хотя волревкомом созывалось уже четыре собрания верующих по данному вопросу, из которых на первых трех собраниях не пришли ни к какому заключению, а только на четвертом собрании, в присутствии предревкома тов. Пономарева, верующие постановили принять церковь». 8 июля 1926 г. была передана под школу Паланская церковь.

В других волостях ситуация была схожей. В докладе председателя Хайрюзовского волревкома о состоянии волости с октября 1924 по апрель 1925 г. сообщается: «Отделение церкви от государства закончилось полностью в лето 1924 г. Групп верующих в волости нет. Хайрюзовская церковь обществом передана под школу. В остальных селениях от пользования часовнями и содержания таковых население отказалось. Часовня в с. Сопочном за ветхостью по решению губотуправ сломана, годный материал употреблен для общественных построек. Часовня в Утхолоке также для никаких целей в виду ветхости не приспособлена, и общество возбудило ходатайство о сломе таковой. Более или менее исправленными являются здания Ковранской и Морошечной часовен, которые ни под какие нужды обществом не используются».

В Соболевской волости «декрет об отделении церкви от государства проведен по волости полностью. В с. Колпаково жители от часовни отказались, здание часовни за ветхостью никуда употреблено быть не может. В селениях Облуковино и Ича часовни переданы группе верующих... Зарегистрированными группами верующих считаются две: в с. Облуковино — 54 человека и в с. Ича — 54 человека. В остальных селениях церквей нет». В самом Соболево 7 ноября 1924 г. в здании церкви был открыт клуб «Имени семилетия Октябрьской революции». В клуб записалось сразу 17 человек.

В Большерецком районе процесс закрытия церквей и часовен проходил по той же, отвергнутой циркуляром Дальбюро ЦК в 1924 г., схеме.

В с. Гольгино собрание граждан 29 декабря 1924 г. просило волревком разрешить весь материал часовни употребить на ремонт школы. На следующий же день приехал председатель Большерецкого волревкома С. Ф. Соловьев для «произведения описи часовни и имущества на предмет передачи такового на хранение Гольгинскому сельревкому»². В этот же день имущество отправили в Большерецкий волревком, а 7 января его решили передать губревкому. Часовню признали целесообразным использовать под школу.

Следующим на очереди было с. Явино. 15 января 1925 г. тот же Соловьев принял в свое ведение ветхую деревянную часовню с полуоткрытой крышей. А 13 февраля волревком решает Явинскую часовню продать, деньги же перевести в фонд волкредкома.

¹ Глинчикова Е. В. Православие и советское государство на Камчатке в 1920-х – начале 1930-х гг. // Вопросы истории Камчатки. Выпуск 4. – Петропавловск-Камчатский: Холд.комп. «Новая книга», 2009. – С. 126–127.

² ГАКК. Ф. Р-285. Оп. 3. Д. 1. Л. 19.

В самом Большерецке по постановлению от 9 августа 1924 г. церковное помещение вместе с амбаром передали местной школе, богослужбное имущество перешло к группе верующих. В Усть-Большерецке тем же постановлением церковный склад передали под вновь строящуюся школу.

В с. Кихчик часовня перешла в распоряжение сельревкома. Местные комсомольцы хотели на «использовать половину ее под клуб».

В с. Колпаково 8 июля 1926 г. часовню передали на «культпросвет нужды». Богослужбное и небогослужбное имущество постановили отдать госфондовой комиссии при ОКРФО — окружном финансовом отделе — для реализации, здание, «как развалившееся», — тоже.

В Большерецком районе реализация Декрета прошла достаточно успешно. За первое полугодие 1926–1927 гг. религиозных организаций в районе было зарегистрировано всего три: Большерецкая, Облуковинская и Ичинская. Молитвенных зданий имелось всего десять, и только три из них сданы верующим, пять использовались под культурно-просветительские надобности и два не использовались вообще.

В Пенжинском районе в с. Левчик общее собрание верующих 21 мая 1924 г. постановило: «Идиногласно церковь не содержать а таковое здание предоставить для помещения школы».

3 октября 1925 г. по ходатайству Николаевского сельского общества, при поддержке ГубОНО и Елизовского волревкома, местную церковь также передали под школу.

В Петропавловске постановлением губревкома от 9 сентября 1924 г. помещение часовни передавали губкомхозу «с правом сноса», площадь — отделу управления и губкомхозу для устройства детской площадки. 24 июня 1926 г. теперь уже окревком постановил передать старый сарай и ограду бывшего собора Окроно, а сарай снести за ветхостью.

Религиозная жизнь на Камчатке после нескольких лет реализации декрета об отделении церкви от государства представляла в большинстве случаев печальное зрелище. После проведенной инвентаризации церковь долго могла стоять пустующей или в соответствии с «нуждами нового общества» ее перестраивали под школу, избу-читальню или клуб. Отобранную у населения, закрытую, гниющую при влажной камчатской погоде, оставленную без всякого ухода церковь или часовню через два-три года разбирали на дрова. Так, сносу подлежала часовня в с. Кинкиль, а «материал часовни» в с. Морощечном употребили для ремонта школы. В с. Апача (Усть-Большерецкий район) сруб часовни, пришедший в негодность, решили просто ликвидировать. Такая же участь ждала многие маленькие часовни и церкви. Богослужбное имущество, не попавшее в ревкомы, оставлялось на месте, и тогда оно могло использоваться для театральных постановок, но чаще просто бесследно исчезало.

Пик закрытия церквей и часовен пришелся на 1924–1926 гг. В отчете о работе Камчатского губревкома за 1924–1925 гг. значится: «Декрет об отделении церкви от государства проведен в жизнь, за исключением регистрации религиозных обществ и групп. Живоцерковцев (представители организации «Живая церковь». — Е. Г.) и других сект и религий нет. Церковной литературы не распространялось. Всего зарегистрировано 12 обществ и групп — 1. Закрыто и передано на культурно-просветительские и другие цели 12 церквей. Всего по всей губернии имеется 35 церквей и 35 часовен. Всего передано в бесплатное пользование группам и обществам 13 молебных зданий (на каждую группу по одному). В 13 обществах и группе состоят 1 257 человек. Отношение у населения к декрету хорошее. Осложнений нет».

Одной из самых трагических страниц в истории исчезновения камчатских церквей стало закрытие Петропавловского собора — самой большой, богатой и красивой церкви полуострова. В первые годы существования на Камчатке новой власти закрыть его не было никакой возможности. Это могло вызвать большое недовольство в среде верующих горожан. Но все же прихожанам быстро дали понять, что с их мнением в скором времени перестанут считаться совсем¹.

¹ Глинчикова Е. В. Православие и советское государство на Камчатке в 1920-х – начале 1930-х гг. // Вопросы истории Камчатки. Выпуск 4. – Петропавловск-Камчатский: Холд.комп. «Новая книга», 2009. – С. 128–131.

В 1924–1926 гг. была передана под «общественные нужды» или уничтожена большая часть небольших сельских церквей и часовен. С 1928 по 1931 закрылись все большие храмы Камчатки. Последним стал Петропавловский собор. Отсутствие церквей облегчало антирелигиозную пропаганду, лишало верующих возможности объединения, сильно подрывало желание дальнейшего сопротивления антирелигиозной работе местных органов власти¹.

Таким образом, в регионах количество закрытых зданий зависело от позиции населения и местных властей, характера застройки и местных традиций. На Камчатке большинство культовых зданий были деревянными, их легче было переоборудовать под школы и культпросветучреждения. В ходе закрытий, даже незаконных, местные администраторы не встречали серьезных препятствий и протестов населения. Сказывалась традиционная слабость позиций православия в регионе, меньшая приверженность населения к религии, многие хорошо помнили контрреволюционные дела религиозных активистов².

В целом опыт взаимодействия советского государства и церкви на Камчатке в 1920 — начале 1930-х гг. показывает, что в таких случаях, когда идея «симфонии» отвергается, когда государство перестает рассматривать себя, прежде всего как охранителя православной веры и начинает связывать свои интересы и заботы исключительно с устроением материальных сторон жизни, оно постепенно переходит на антицерковные позиции. Им предпринимаются шаги, так или иначе направленные против христианства. В частности, таким шагом становится неприятие мер, препятствующих распространению безнравственности, духа насилия, т. е. то государственное бездействие, которое способствует умножению «беззакония»³.

Список литературы:

1. Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 1 а.
2. ГАКК. Ф. Р-185. Оп. 5. Д. 1.
3. ГАКК. Ф. Р-285. Оп. 3. Д. 1.
4. Глинчикова Е. В. Православие и советское государство на Камчатке в 1920-х – начале 1930-х гг. // Вопросы истории Камчатки. Выпуск 4. – Петропавловск-Камчатский: Холд.комп. «Новая книга», 2009.
5. Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск. Частная коллекция, 2001.
6. Церковь и государство (история правовых отношений)/Священник Алексей Николин. – Издание Сретенского монастыря, 1997.

¹ Глинчикова Е. В. Православие и советское государство на Камчатке в 1920-х – начале 1930-х гг. // Вопросы истории Камчатки. Выпуск 4. – Петропавловск-Камчатский: Холд.комп. «Новая книга», 2009. – С. 134.

² Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск. Частная коллекция, 2001. – С. 9–10.

³ Церковь и государство (история правовых отношений)/Священник Алексей Николин. – Издание Сретенского монастыря, 1997. – С. 20.

*Bleich Nadezhda Oskarovna,
North Ossetian State University. K. L. Hetagurova,
PhD, prof. Faculty of Social Work
E-mail: nadezhda-blejikh@rambler.ru*

EDUCATION CHARACTERISTICS OF THE NORTH DURING THE REVOLUTIONARY PERIOD BEGINNING OF XX CENTURY

*Блейх Надежда Оскаровна,
СОГУ им. К. Л. Хетагурова,
д. и. н., проф. фак-та социальная работа
E-mail: nadezhda-blejikh@rambler.ru*

ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД НАЧАЛА XX ВЕКА

Школьное образование начала XX века было всецело подчинено политической ситуации, которая характеризовалась резким обострением социально-экономической, политической обстановки в регионе и развернувшимся там освободительным движением. Активное участие принимало в нем прогрессивное учительство, чаще всего возглавлявшее это движение и требовавшее демократических школьных реформ. «В настоящее время, отмечалось в газете «Терек», — во всех слоях общества все громче и громче раздаются справедливые голоса в пользу изменения существующей системы народного образования и построения этой, отжившей во многом свой век, системы на более разумных началах, отвечающих духу времени, требованию народа и здоровой педагогики»¹. И действительно, в числе причин недовольства горцев царским управлением была и школьная политика, проводимая на Северном Кавказе, которая особо не приводила к культурному подъему последних. Эти факты подтверждаются переписью населения 1897 года (таблица).

Таблица

Уровень грамотности северокавказского населения (по данным переписи 1897 г. в%)

Национальность	Число владеющих русской грамотой	Число владеющих грамотой на других языках
Чеченцы и ингуши	0.3	1.9
Осетины	5.7	0.3
Кабардинцы	0.7	3.1
Адыгейцы и черкесы	1.2	7.8
Карачаевцы	1.5	3.1
Балкарцы	0.3	1.1

Своей национальной литературы у горцев тоже почти не было, за исключением Осетии, где до первой русской революции вышло несколько книг К. Хетагурова, Б. Гурджибекова и других осетинских писателей². Да и обеспеченность школами горского населения Северного Кавказа была неодинаковой. В сравнительно лучшем положении находились русские станицы, в которых на средства казачьего войска открывались училища разных типов. Всего в 1901 г. в них насчитывалось 22 министерских училища и 7 церковноприходских школ. Но даже при этом вне школы оставалось до 40% сельских детей, подлежащих обучению, в особенности, в Чечне и Ингушетии, где было всего

¹ Терек. 1909. 7 мая.

² Рудольф Н. Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг. Тифлис, 1914. С. 24.

две школы. Столько же школ функционировало в Хасавюртовском национальном округе Терской области¹ и немногим больше в Карачаево-Черкесии, в которых обучалось не более 10% детей школьного возраста². Та же картина наблюдалась и в Чечне. В очерке журналиста И. Мутушева «Школа и Чечня», напечатанном в газете «Терек» за 1908 год, отмечалось: «При общей неудовлетворенности постановки школьного вопроса как в смысле количества, так и качества школ — то и другое в Чечне является нищенским». Попросту говоря, школ там почти не было. За это автор очерка винил не только правительство, но и шейхов, создававших у населения превратные представления о русской школе. По его словам, «такое положение складывалось также из-за малочисленности и необразованности чеченской интеллигенции»³.

Но, все же учитывая потребности развивающейся капиталистической экономики Северного Кавказа в грамотных людях, правительство шло на частичное их удовлетворение. Под давлением общественности наметились некоторые сдвиги в сторону количественного увеличения школ. По данным Кавказского учебного округа за 1900 год на Северном Кавказе действовала 841 начальная школа, в том числе: 444 — в Кубанской области, 242 — Ставропольской губернии и 155 — Терской области. В них обучалось около 66 тыс. учащихся, т. е. 53% детей школьного возраста, и работало до 3 тыс. учителей⁴.

Но все равно школьная система образования оставляла желать лучшего: средних учебных заведений здесь в ту пору насчитывалось только 21, в том числе: 14 гимназий и прогимназий, 5 реальных училищ, 1 учительская и 2 духовные семинарии. На пути к созданию подлинно демократической школы было еще много преград, главными из которых были острая нехватка школьных зданий, учительских кадров, отсутствие у горцев своей письменности, национальных учебников и др.⁵.

Многие школы размещались либо в крестьянских избах, либо в других непригодных помещениях. Так, в начале исследуемого периода 70% дагестанских и адыгейских школ размещались в непригодных зданиях. Ни одна школа Чечни, Ингушетии, Кабарды и Балкарии не имела сколько-нибудь удовлетворительного помещения. В горной Осетии школьные здания, писал просветитель Коста Хетагуров, «... похожи скорее на хлев, чем на просветительное учреждение. Тесные, низкие, ничем не обмазанные каменные сараи, большей частью с земляным полом, с маленькими оконцами и жестиной плитой вместо печи»⁶.

В газете «Терек» сообщалось, что обычно в сельских школах горцев-мусульман набиралось не более 5–12 учащихся⁷. Это делало положение учителя поистине трудным. Занятия посещались нерегулярно, продуктов питания не было в селах, а сам он подвергался иногда оскорблениям со стороны мусульманских фанатиков. Но, не смотря на это, в 1908–1912 годах охват детей школой русскоязычного населения составил 52%, а горцев-мусульман — не более 5,9%. Потребность же в ученических местах повсеместно составляла 40–60%. Что касается лиц со средним образованием в национальных районах, то они едва составляли 1,8%⁸. На этот факт указывал и журналист И. Са-

¹ Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф.13 (Владикавказское реальное училище. 1870–1917 гг.). Оп. 15. Д. 966. Л. 73.

² Шапошников В. Г. Школьникам о Карачаево-Черкесии. Методические рекомендации. Нальчик, 1982. С. 13.

³ Мутушев И. Школа и Чечня // Терек. 1908. 4 июля.

⁴ Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1900 год. Тифлис, 1901. С. 254.

⁵ Аристова Т. Ф. Развитие народного просвещения // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. — 456 с.

⁶ Хетагуров К. А. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1960. Т. IV. С. 294.

⁷ Терек. 1911. 13 января.

⁸ Рудольф Н. Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг. Тифлис, 1914. С. 9–13.

ракаев в 1915 году, отмечавший, что «... в Чечне таких людей насчитывалось 15–20 человек, и то, главным образом, лица офицерского звания, а с высшим образованием — не более 1–2 чеченцев»¹.

Вместе с тем все светские школы народов Северного Кавказа были одноклассными и двухклассными. Программы этих школ ограничивались узкими рамками элементарного курса русского языка и математики (одноклассное училище) и краткими сведениями по истории, географии и естествознанию (двухклассное училище). В то время как родной язык был исключен из школьного образования, чиновники Кавказского учебного округа ревностно следили за преподаванием христианского Закона Божьего и мусульманского вероучения. Эти предметы считались важными и занимали значительное место в учебной программе школы. Но все же для северокавказских народов светские школы сыграли прогрессивную роль. Не смотря на ограниченность программы и большие педагогические и организационные недостатки, светская школа стояла неизмеримо выше школ религиозных: она давала учащимся полезные знания и навыки, в них дети горцев усваивали русскую грамоту и язык, служившие основным средством приобщения местного населения к передовой русской культуре.

В начале 20 века по-прежнему просвещение оставалось сословным: среднее образование для детей крестьян оставалось недоступным, хотя и было открыто несколько специальных средних учебных заведений: в Нальчикском округе — окружная горская школа, преобразованная в 1909 году в реальное училище, и Баксанское духовное училище, в Северной Осетии — Ардонская духовная семинария и т. п. Но детей горцев в средних учебных заведениях было мало. Так, в Темирханшуринском реальном училище к началу 1900 года обучалось всего 64 горца, или 18.7% от общего количества учащихся. В Баталпашинском училище к 1914 году из 286 учащихся насчитывалось только 56 карачаевцев и черкесов и 1 горянка. На всем Северном Кавказе обучалось ничтожно малое количество девочек и то из зажиточных семей. Так, из 17 девочек-горянок, обучавшихся в старших классах Темир-Хан-Шуриной гимназии, 15 были дочерьми купцов и офицеров².

Таким образом, в системе школьного образования по-прежнему сохранялись сословно-классовые черты. 81% ученического контингента средних учебных заведений составляли дети дворянско-буржуазных сословий, а 7,9% — дети трудящихся. Число выпускников — детей из неимущих классов обычно не превышало 5–10 человек.

По данным Владикавказского епархиального училищного совета за 1907 год, из 12 двухклассных церковноприходских школ выпуск состоялся только в пяти: в Ардонской (из 250 принятых школу окончили 7 человек), Христиановской (из 189–4), Гизельской (из 110–3), Кадгаронской (из 102–10), Махчешской (из 122–3)³.

Важным событием в Северокавказском регионе являлась организация светских школ системы Министерства народного просвещения, так называемых «народных школ». Первоначально они создавались, как правило, в селах магометанского вероисповедования, где не было церковноприходских школ. Здесь к 1910 году было открыто 15 одноклассных и 8 двухклассных народных школ, 13 из них разместились в Христиановском, Алагире и Наре, остальные 10 — в Заманкуле, Магометанском, Зилги, Тулатовском и других мусульманских селах. «Министерские школы» пользовались большим авторитетом в народе, хотя и в них основными методами обучения были зубрежка и муштра. Эти школы располагали лучшими учительскими кадрами и давали более прочные знания по общеобразовательным предметам⁴.

¹ Саркаев И. Русская школа среди чеченцев // Терский вестник. 1915. 19 декабря.

² ЦГАРСО-А. Ф. 49 (Отдел народного образования Исполнительного комитета Владикавказского округа в 1917–1920 гг.). Оп. 1. Д. 644. Л. 730–731.

³ История Северо-Осетинской АССР. В 2 т. Орджоникидзе, 1987. Т. 1. – 634 с.

⁴ Блейх Н. О. Развитие школьного образования на Северном Кавказе в пореформенный период и его роль в становлении просветительства в регионе // Преподавание истории в школе. Специальный выпуск. 2008. № 5. С. 60–63.

Серьезной помехой на пути к созданию правительственных школ на Северном Кавказе была злобная агитация мулл, повсюду распространявших антирусские настроения в пользу арабских училищ. В Чечне они внушали своим соплеменникам, что в русских школах их дети якобы «обрусеют и перестанут быть чеченцами»¹. Поэтому мусульманские школы у народа оставались по-прежнему более предпочтительнее. Накануне 1917 года в одном Баталпашинском отделе насчитывалось 8 мусульманских училищ, в Нальчикском округе в 1914 году было 97 школ, охватывающих 1,5 тыс. учащихся. Но наиболее большее количество мусульманских учебных заведений существовало в Дагестане — более 740. Дагестан не без основания считался поставщиком кадров духовенства для всего Северного Кавказа. «Едва ли где-либо на Кавказе до такой степени было развито изучение арабского языка и духовной литературы на этом языке, как в Дагестане, — отмечается в «Обзоре Дагестанской области за 1908 год»².

Но и мусульманские школы тоже в начале XX века под влиянием происходивших социально-политических изменений стали видоизменяться. В крае возникло течение, выступившее за реформу религиозной школы. Суть этой реформы сводилась к тому, чтобы, сохранив в основе религиозное содержание обучения, ввести в мусульманских школах преподавание светских дисциплин. Это была своеобразная попытка адаптировать религиозную школу к потребностям нового времени. В отличие от старых примечетских религиозных школ новые школы получили название «новометодных». Однако на Северном Кавказе новометодные школы не получили широкого распространения. «Школы нового типа, — по признанию официальных властей, — мало чем отличались от мечетских». В 1908 году в Дагестанской области имелось 8 новометодных школ, и находились они в Темирханшуринском округе. В Кабарде была одна такая школа — Баксанское духовное училище. Однако при всех своих недостатках новометодные школы сыграли положительную роль в распространении среди горцев светских знаний, в приобщении их к русской культуре. Новые мектебе и медресе, в отличие от старых, вооружали учащихся знаниями по арифметике, истории, естествознанию, географии. В некоторых из них учили русскому языку.

Интенсивное распространение капиталистического производства, стремление правительства освоить богатства национальных окраин и усиливающаяся тяга местного населения к реальным знаниям привели к созданию нового типа учебных заведений — ремесленных училищ, дававших элементарные технические знания и профессиональную подготовку. Не случайно Майкопская горская школа, открытая в 1866 году для обучения адыгейцев, в 1899 году была преобразована в низшее механико-техническое училище³. 30 мая 1894 года было принято решение об открытии низшей сельскохозяйственной школы 2-го разряда с трехлетним приготовительным классом и трехлетним специальным курсом в Нальчикском округе⁴.

В 1904 году в Дербенте была открыта школа садоводства с подготовительным отделением. Обучение общеобразовательным дисциплинам сочеталось в ней с практическими занятиями по садоводству, огородничеству, виноградарству.

В 1905 году в Порт-Петровске была открыта вторая специальная школа — трехлетнее электротехническое училище для подготовки электротехников для телефонно-телеграфных станций. Однако в связи с трудностью с материальным обеспечением в 1909 году училище было переведено в Харьков⁵.

¹ Саракаев И. Русская школа среди чеченцев // Терский вестник. 1915. 19 декабря.

² Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 98.

³ Очерки истории Адыгеи. Майкоп. 1957. Т. 1. С. 449.

⁴ ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 343. Л. 73 и об.

⁵ ЦГА Дагестана. Ф. 2. Оп. 3. Д. 210. Л. 144.

Спустя несколько лет, в 1911 году в Темир-Хан-Шуре была открыта низшая ремесленная школа, которая должна была готовить грамотных подмастерьев по слесарно-кузнечному и столярному делу. Профессиональное образование давали также реальные училища Северного Кавказа.

Таким образом, революционная ситуация, сложившаяся в стране и на Кавказе в начале XX века, напрямую отразилась и на системе школьного образования горцев, которое не смотря на некоторые перспективы своего развития, все же оставляло желать лучшего. Полностью изменить систему образования в стране и на окраинах, сделав её бессловной, смогла лишь Октябрьская революция 1917 года.

Список литературы:

1. Аристова Т. Ф. Развитие народного просвещения // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. – 456 с.
2. Блейх Н. О. Социокультурная парадигма становления просветительства на Северном Кавказе: Монография. / Под ред. докт. соц. наук, проф. Р. Э. Кесаевой, Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. – 324 с.
3. Блейх Н. О. Развитие школьного образования на Северном Кавказе в пореформенный период и его роль в становлении просветительства в регионе // Преподавание истории в школе. Специальный выпуск. 2008. № 5. С. 60–63.
4. История Северо-Осетинской АССР. В 2 т. Орджоникидзе, 1987. Т. 1. – 634 с.
5. Мутушев И. Школа и Чечня // Терек. 1908. 4 июля.
6. Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1900. – 112 с.
7. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1900 год. Тифлис, 1901. – 783 с.
8. Очерки истории Адыгеи. Майкоп. 1957. Т. 1. – 567 с.
9. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. – 487 с.
10. Правительственный законопроект о всеобщем обучении в Государственной думе // Социал-демократ. 1910. № 18.
11. Рудольф Н. Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг. Тифлис, 1914. – 211 с.
12. Саракаев И. Русская школа среди чеченцев // Терский вестник. 1915. 19 декабря.
13. Терек. 1911. 13 января.
14. Терек. 1909. 7 мая.
15. Хетагуров К. Л. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1960. Т. IV. – 562 с.
16. ЦГА Дагестана. Ф. 2. Оп. 3. Д. 210. Л. 144.
17. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 343. Л. 73 и об.
18. ЦГА РСО-А. Ф. 49 (Отдел народного образования Исполнительного комитета Владикавказского округа в 1917–1920 гг.). Оп. 1. Д. 644. Л. 730–731.
19. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 13 (Владикавказское реальное училище. 1870–1917 гг.). Оп. 15. Д. 966. Л. 73.
20. Шапошников В. Г. Школьникам о Карачаево-Черкессии. Методические рекомендации. Нальчик, 1982. – 213 с.

Kilmetova Olesya Radikovna
The Branch of Bashkir State University in Sterlitamak
E-mail: Kilmetova.olesia@yandex.ru

THE STATISTICS OF BATTLE LOSSES AMONG MOSLEM SOLDIERS OF SOUTH -WEST OF UFA PROVINCE IN AUGUST 1914

Кильметова Олеся Радиковн, СФ БашГУ
E-mail: Kilmetova.olesia@yandex.ru

СТАТИСТИКА БОЕВЫХ ПОТЕРЬ СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ–МУСУЛЬМАН ЮГО-ЗАПАДА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В АВГУСТЕ 1914 ГОДА¹

Великая мировая война (1914–1918 гг.), названная Второй Отечественной², стала переломным моментом в человеческой истории, ознаменовавшимся крушением Германской и Российской империй, прологом братоубийственной гражданской войны в России и воцарением на десятилетия большевизма. В этой бойне народов приняли непосредственное участие и до этого момента забытые герои — наши земляки-мусульмане, — жители одного из крупнейших уездов Уфимской губернии.

В фондах Российской государственной библиотеки (РГБ) хранятся «Именные списки убитых, раненых и пропавших без вести нижних чинов» за годы Великой войны, отпечатанные в «Военной Типографии Императрицы Екатерины Великой». Списки, отражающие людские потери по всем губерниям и уездам Российской империи. На тысячах листов оригинального документа, в числе десятков тысяч имен солдат и младших офицеров имеются и военнослужащие-мусульмане, призванные из г. Стерлитамака и Стерлитамакского уезда.

Именные списки, опубликованные типографским способом, содержат табличный материал по всем губерниям, уездам и волостям Российской империи, согласно единой структуре таблиц, где указывалось: воинское звание; фамилия, имя и отчество военнослужащего; вероисповедание; женат он, или холост; уезд, волость и населенный пункт проживания; категория ущерба (убит, ранен, контужен) и дата получения ущерба.

Необходимо отметить некоторые особенности информации в первоисточнике. Так присутствуют сокращения слов и терминов: гренадер — лейб-гренадер и др. Особенно много сокращений имен и отчеств. Причем, нерусские фамилии и имена в оригинале нередко сильно искажены. Безусловно искажены названия многих волостей и населенных пунктов (напр. д. Юроктово = д. Юрактау), что затрудняет понимание и требует дальнейшего соотнесения со списками населенных мест и адрес-календарями, что в настоящее время не вызывает у исследователей особых затруднений. Вероисповедание военнослужащих-мусульман указывалось как «магометане»³. В отдельных случаях имеются пропуски в столбце «местожительство»: нет названий населенных пунктов, или волостей. Причины пропуска информации о конкретном местожительстве могут быть различны. Одним из объяснений последнего очевидно является плохое владение русским языком большинства военнослужащих-мусульман.

К сожалению, использованный первоисточник не содержит информации о месте службы военнослужащих. В связи с этим мы не будем предпринимать попыток связывать учтенных военнос-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В14–50; науч. рук. – ст. преп. кафедры всеобщей истории СФ БашГУ И. В. Денисов.

² Солдатский вестник Петроградского военного округа. 1914. 31 августа. № 1.

³ Таким образом, выделить среди «магометан», например, татар и башкир, с полной уверенностью довольно сложно.

лужащих с конкретными подразделениями Российской армии, хотя по отдельным военнослужащим точная, или косвенная информация в нашем распоряжении имеется, например, о службе ряда стерлитамаковцев в Кексгольмском Императора Австрийского лейб-гвардии полку¹. Учитывая тот факт, что Казанский военный округ мобилизовал Варшавский и, отчасти, Виленский округа², следует предположить вероятное наличие уроженцев Стерлитамакского уезда в армиях обоих фронтов. В данной работе мы рассмотрим только сводные статистические данные, сведенные в нижеследующие таблицы.

Таблица № 1. Учет убитых, раненых, контуженных и пропавших без вести военнослужащих-мусульман из Стерлитамака и Стерлитамакского уезда в течение августа 1914 г. (по воинским званиям)

Звание	Убит	Ранен	Ранен, остался на поле сражения	Контужен	Пропал без вести	Итого потеря:
Рядовой	5	44	1	1	17	68
Стрелок	–	–	–	1	1	2
Ефрейтор	–	1	–	–	2	3
Лейб-гренадер	1	–	–	–	–	1
Итого потеря:	6	45	1	1	20	74

Среди стерлитамаковцев-мусульман заметно преобладают раненые рядовые, при значительном числе пропавших без вести рядовых и ефрейторов (Табл.№ 1). Потеря последних особенно симптоматична, т. к. ефрейтор являлся хорошо подготовленным и опытным солдатом, отвечавшим за рядовых своего подразделения. Пропасть без вести ефрейтор при наступательных боях просто так не мог.

Таким образом, общая статистика боевых потерь среди военнослужащих-мусульман, призванных из Стерлитамакского уезда, наводит на мысль об их участии не столько в наступательных операциях, где преобладали бы убитые и раненые, а наоборот, когда преобладают раненые и пропавшие без вести.

Рассмотрим статистику боевых потерь по их хронологии.

Среди военнослужащих-стерлитамаковцев хронология потерь представляется более пестрой (Табл. № 2). Наиболее серьезные потери ранеными и убитыми рядовыми и приходятся на 15–16 и 26 августа. Наибольшие потери пропавшими без вести приходятся на 12–16 и 26 августа. Интересно, что в период 12–16 августа произошли потери двух ефрейторов (Сагадинов Гайнатулла, Азнаевская вол. и Шаганшров (?) Габдух., д. Ахмерово, Ильчик-Темировская вол.) и был убит лейб-гренадер (Санибулла Ярулин, Макаровской вол.). Еще один ефрейтор (Мухамедянов Гадсатулла, Куганакская вол.) пропал без вести 26 августа.

Выявленные хронологические рамки наибольших потерь среди военнослужащих-мусульман, призванных с территории г. Стерлитамака и его уезда, позволяют, конечно, весьма осторожно связать их с определенными боевыми действиями на фронтах в первый месяц Великой войны.

¹ Денисова Т. Ф. Дневник крестьянина//В центре Евразии: Сб. науч. тр./Отв. ред. Д. П. Самородов, зам. отв. ред. И. В. Денисов. Стерлитамак: Стерлитамак. Гос. пед. акад., 2005. Вып. III. С. 45–46; Она же. Первая мировая война глазами крестьянина С. И. Очковского//В центре Евразии: Сб. науч. тр./Отв. ред. Д. П. Самородов, зам. отв. ред. И. В. Денисов. Стерлитамак: Стерлитамак. Гос. пед. акад., 2008. Вып. VI. С. 77–95; Денисов И. В. Стерлитамаковцы в начальных сражениях Великой войны//Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы Междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. /под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова; отв. ред. В. А. Веремеенко. – СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. – 560 с. – ISBN 978–58290–1327–1. – С. 254–256.

² Керсновский А. А. История Русской армии. М.: «Голос», 1994. Т. 3. С. 173.

Таблица № 2. Хронология убитым, раненым, контуженым и пропавшим без вести военнослужащим-мусульманам из Стерлитамака и Стерлитамакского уезда в течение августа 1914 г.

	4 августа		6 августа		7 августа		10 августа		11 августа		12–14 августа		15–16 августа				17 августа		22–24 августа		26 августа		27 августа		29 августа		30 августа					
	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Ефрейтор	Рядовой	Стрелок	Ефрейтор	Лейб-гренадер	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Ефрейтор	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Ефрейтор	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Рядовой	Рядовой					
Убит											4			1							1											
Ранен	4	1	1	1	1	1	1				12		1		1	4	13					1	3	1								
Ранен, остался на поле сражения																								1								
Контужен									1																							
Пропап без вести									3	1			1			5	3	1						1	1							
Итого потерь:	4	1	1	1	1				6				19		1	9	18					1	5	2								

История боевых действий Российской армии в августе 1914 г. на западе связана с армиями Северо-Западного фронта (1-я армия П. К. фон Реннекампа и 2-я армия Самсонова) и Юго-Западного фронта.

Начавшая боевые действия 4–5 августа, 2-я армия 13 (26) августа начала ряд тяжелых боев, получила удар в оба фланга от VIII германской армии и несла огромные потери¹. В это время 1-й армии была поставлена задача взять в осаду Кенигсберг². Вследствие такой директивы корпуса были передвинуты. III АК командующим был перемещен к Велау-Рокельгейм³. 14 (27) августа, когда I-й корпус с потерями отступил от Сольдау, а II-й корпус армии Самсонова был разгромлен германцами у Гросс Гардинена⁴. Штабу фронта стало известно о тяжелом положении 2-й армии, но Реннекамф из-за плохо налаженной связи совершенно не был ориентирован в реальном положении дел и отдавал распоряжения корпусам, считая, что нанесет удары в тыл противника. В результате 15 (28) августа стало критическим днем для 2-й армии Самсонова, а выручка ее стала уже невозможна.

В этот день 15 августа I корпус отходил на Млаву. Остатки 2-й пехотной дивизии и кексгольмцы героически бились с тремя германскими дивизиями у Вапица и Лана, но спасти левый фланг от глубокого охвата уже не могли. Кексгольмский полк у Лана схватился со всем 1-м германским корпусом⁵. 16 августа наступила агония 2-й армии: генерал Самсонов покончил с собой, а генерал Кляев пытался организовать отход тремя колоннами, но в ожесточенных боях 17 и 18 августа

¹ Керсновский А. А. Указ. Соч. С. 191.

² Цихович Я. К. Указ. Соч. С. 98.

³ Там же. С. 99.

⁴ Керсновский А. А. Указ. Соч. С. 192.

⁵ Там же. С. 193.

у Кальтенборна, Валендорфа, в Напиводемском лесу колонны эти погибли, сдавшись в плен или сражаясь до последнего солдата¹.

Получив сведения о гибели 2-й армии, командарм 1 решил обороняться на р. Дейме и Омет, поставив в т. ч. III АК задачу занять оборону на р. р. Алле и Омет от Велау до Грюнхейна. На этой линии армия простояла до 26 августа (8 сент.), когда немцы начали атаки по всему ее фронту и 1-я армия начала свое отступление².

Таким образом, имеющиеся в настоящее время хронологические и статистические данные о боевых потерях среди военнослужащих-мусульман Стерлитамакского уезда Уфимской губернии не дают нам обоснованной возможности считать их, по крайней мере, некую часть, военнослужащими 1-й армии П. К. фон Реннекампа. Отмеченный же нами статистический всплеск боевых потерь в период 15–16 августа позволяет осторожно предположить, что, учтенные военнослужащие-мусульмане, с большей вероятностью могли находиться в составе 2-й армии, что подтверждается и потерями Кексгольмского полка. В то же время, хронологический период потерь 20–24 и 26–28 августа совпадают с тяжелейшими боями у Мазурских озер и, в целом, боями по всему фронту 1-й армии и ее быстрым отступлением³. Так, или иначе, судьбы военнослужащих-мусульман в августе 1914 г., по нашему мнению, были связаны с армиями Северо-Западного фронта.

¹ Керсновский А. А. Указ. Соч. С. 193–194.

² Цихович Я. К. Указ. Соч. С. 110–111.

³ Керсновский А. А. Указ. Соч. С. 197–198; Цихович Я. К. Указ. Соч. С. 111.

*Fayzerahmanova Guzel Robertovna,
Sterlitamak Branch, Bashkir State University,
student, the Faculty of History
E-mail: gfayzer@mail.ru*

WINTER ADVANCE OF RED ARMY ON UFIMIAN PROVINCE TERRITORY

*Файзерахманова Гузель Робертовна,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
студентка, исторический факультет
E-mail: gfayzer@mail.ru*

ЗИМНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В рамках исполнения внутреннего гранта СФ БашГУ № В14–50¹ нами создана и частично обработана электронная база данных «Именной список жителей Уфимского и Бирского уездов Уфимской губернии — военнослужащих Русской армии и РККА в 1914–1920 гг.». Из массива «Банка данных» нами выделено 15 военнослужащих РККА, числящихся среди потеря за 1918 год. Среди них для настоящего времени представляют интерес убитые в течении ноября-декабря 1918 г.

Убыль военнослужащих РККА, из которых все убиты в боях, предположительно следуя хронологии данного периода распределяется следующим образом: 9 ноября — 1; 18 декабря (освобождение Бирска) — 1; 22 декабря (операция контрнаступления Белоказачьих войск под Уфой) — 9; 23 декабря- 2; 28 декабря (операция 1-й армии по освобождению Стерлитамака) — 1; 30 декабря (вступление красноармейцев в Уфу) — 1 чел.²

Интерес представляет анализ местожительства. Из 15 человек погибших в ноябре-декабре уроженцами Стерлитамакского уезда являются 11 чел., Златоустовского — 3 чел., Бирского — 1 чел. Из 15 человек — 11 являются жителями Стерлитамакского уезда (Богоявленский завод — Кольлев Андрей Зиновьевич, Якутов Губай Зайнул., Якутов Губай Зайнул., Казанцев Егор, Меньшиков Егор, Самсонов Григорий Спиридонович; Кальчир Табаынск, д. Имен — Мазитов Хусан; Макаровской д. Тажбук — Хакимов Вахит).

Мы предполагаем, что выявленные, безусловно, неполные потери РККА в течение ноября — декабря 1918 г. скорее всего, можно связать с конкретными боевыми действиями — с зимним наступлением Красной Армии на Восточном фронте и освобождение западной Башкирии.

Осенью 1918 г. положение Советской республики осложнилось. Белоказачьи войска генерала Деникина повели крупное наступление с юга. Южный фронт стал главным фронтом борьбы с интервентами и внутренней контрреволюцией. Главное внимание партийных, советских и военных учреждений было обращено на Южный фронт³.

Перед войсками Восточного фронта, как видно из директивы Реввоенсовета республики от 16 ноября 1918 года, ставились лишь задачи оборонительного характера. Используя ослабление

¹ Научный руководитель ст.преп. Денисов И. В.

² Байчиков Ф. П. За власть Советов. Сб. воспом. Уфа : Башкирское книжное издательство, 1961, с.-325.

³ Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов и материалов, т. 1-М.: Советская Россия, 1960, с.- 204.

натиска со стороны Красной Армии, белогвардейцы перешли в наступление вдоль железной дороги Уфа–Бугульма, оттеснив части 5-й армии за реку Ик¹.

В ноябре 1918 г. войска 3-й армии приступили к наступательной операции, но они вынуждены были отступить, в ночь на 25 декабря 1918 г. была оставлена Пермь. Несмотря на это общее зимнее наступление войск Восточного фронта. Начавшееся в конце ноября — начале декабря 1918 года продолжалось. Войска 1-й и 5-й армий, выполняя поставленную перед ними задачу. Перешли к активным наступательным действиям. 28 ноября частями 1-й армии был освобожден г. Белебей. Однако 5 декабря после упорных боев части 1-й армии временно отступили, оставив Белебей².

21 декабря 1918 года по всему фронту 5-й армии белогвардейцы перешли в контрнаступление. Декабрьские бои на дальних подступах к Уфе проходили в очень тяжелых условиях. Стояли сильные морозы, теплой одежды у красноармейцев не хватало, было много обмороженных. Поредевшие части не получали пополнений. И все же, несмотря на большие трудности, части 5-й армии устояли против натиска колачаковцев. Бои носили очень упорный и ожесточенный характер. Отдельные населенные пункты переходили по несколько раз из рук в руки³.

24 декабря 1918 года части 5-й армии начали операцию по овладению укреплениями противника на рубеже Чишма –Хлебодаровка, в результате которой 27 декабря были заняты деревня Новая, Арсланово и узловая станция Чишма⁴. Красная Армия успешно продвигалась к Уфе.

Перед оставлением Уфы белогвардейцы пытались вывезти ценное имущество, имевшееся в городе. После освобождения станции Чишма части 5-й армии начали наступление на Уфу. Одновременно с ней войска 1-й армии начали операцию по освобождению Стерлитамака и 29 декабря вошли в Стерлитамак⁵.

31 декабря, на рассвете, части 26-й дивизии перешли по льду реку Белую и с юго-западной стороны ворвались в Уфу. Трудящиеся Уфы радостно встретили своих освободителей. 1 января 1919 года в городе состоялась большая демонстрация.

Таким образом, в результате огромной работы, проведенной под руководством партийных и Советских органов, были мобилизованы все силы республики на оказание помощи Восточному фронту.

¹ Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов и материалов, т. 1-М.: Советская Россия, 1960, с.- 220, 221.

² Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии (1917–1919). – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1966, с. – 55–57.

³ Там же, с.- 60.

⁴ Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии (1917–1919). – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1966, с. –372.

⁵ Спирин Л. Разгром армии Колчака. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

Section 4. Political institutes, processes and technologies

*Korneeva Vera Aleksandrovna,
Ural State Pedagogical University, Institute of psychology,
head of the chair of conflictology and management
E-mail: ya-krasawka@ya.ru*

THE POLITICIZATION OF SPORT AS A NATIONAL RESOURCE: REGIONAL AND INTERNATIONAL ASPECTS

*Корнеева Вера Александровна,
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»,
Институт психологии, зав. отделения конфликтологии и управления
E-mail: ya-krasawka@ya.ru*

ПОЛИТИЗАЦИЯ СПОРТА КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСУРС: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТЫ

ВХХвеке связь спорта с политикой приобретает все более очевидный характер. Международный спорт сегодня активно использовался в идеологических и политических целях и становится ареной большой политики. Интервенции государства в сферу спорта свидетельствуют о трансформации спорта в социально-политическое явление. Для руководства стран и регионов спорт становится инструментом внутренней и внешней политики.

Россия вступает в пятилетку (2013–2018) большого скачка, поэтому тематика спорта как стратегического инструмента во внутренней и внешней политике страны становится особенно актуальной¹. Россия становится площадкой для проведения таких крупных международных соревнований, как чемпионат мира по лёгкой атлетике и Всемирная летняя Универсиада в 2013 году, чемпионат мира по водным видам спорта в 2015-м году, зимняя Олимпиада в Сочи в 2014-м году и чемпионат мира по футболу в 2018-м году.

В рамках нашего предположения особенно интересными представляются разговоры о спорте П. Бурдые. Автор главным образом отмечает, что анализ и понимание любого вида спорта необходимо вести в контексте более неочевидных его социальных связей с группами и классами <... чтобы понять какой бы то ни было вид спорта, нужно определить позицию, занимаемую им в пространстве всех видов спорта. Такое пространство может быть сконструировано исходя из совокупности индикаторов, таких как, с одной стороны, распределение занимающихся каким-то видом спорта по их позиции в социальном пространстве, распределение разных федераций по числу их членов, богатству, социальным характеристикам руководителей ... >².

¹ Корнеева В. А. Спорт как ресурс государственного управления [Текст] // Конфликтогенность современности: коллективная монография / Отв. ред. Л. А. Максимова, Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 119–138.

² Бурдые П. Программа для социологии спорта [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – 2009. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/3045>

Следуя за логикой П. Бурдые, мы, в свою очередь, беремся утверждать, что именно футбол выступает на современном этапе развития не только как вид спорта, но и как политический инструмент. Так, в ходе нашего исследования, мы обнаруживаем, что данный вид спорта выполняет вместе с развлекательной и функцию консолидации населения. Понимание того, почему футбол пользуется такой популярностью, складывается из нескольких факторов. Среди них: коммерциализация, массовость, зрелищность, относительная простота правил, минимальное количество необходимого инвентаря, численная вместимость стадионов.

Исходным и ключевым в теме нашего исследования является предположение о том, что *футбол как система может являть собой проекцию всей социальной реальности региона или страны. Футбол и другие виды спорта представляют собой механизм и инструмент социальной связи между различными группами населения.*

Регионализм в спортивной политике государства очевиден. Мы утверждаем, что спорт во внутренней политике государства имеет стратегическое значение в управлении регионами. Молниеносный успех ФК «Анжи» (Махачкала) — пример своего рода антикризисного регионального управления *иконфликтменеджмента* в рамках внутренней политике по стабилизации напряженности в Северо-Кавказском ФО государство активно задействует спортивный ресурс. В данном случае футбол выполняет свою социально-политическую функцию: консолидация населения вокруг победы местного клуба, формирование положительной идентичности, отвлечение от социальных, политических и экономических проблем региона.

Победа сборной команды или местного клуба обеспечивает сиюминутное удовольствие болельщиков. За счет получаемых публикой от массовых зрелищ эмоций, которые и являются самоцелью внутренней спортивной политики сегодня, и происходит искомая *консолидация общества* вокруг спортивных успехов и достижений. Происходит стимулирование патриотических чувств и эмоций посредством спекуляции на спортивную тематику. Речь в данном случае идет как о клубном, так и о национальном патриотизме. Данная манипуляция через спорт посредством эксплуатации эмоциональной сферы человека или группы закреплены за функциями массовой культуры вообще.

Кроме того, диагностичным и информативным представляется процедура исследования уровня развития спорта в регионах (низкий, средний, высокий) через такие показатели, как развитие спортивной инфраструктуры, успех местных команд в популярных видах спорта (футбол, хоккей) и саму возможность занятия спортом населения. В свою очередь, это демонстрирует значимость региона для государства и о проводимой в регионе политике.

Международный уровень реализации спортивного потенциала нашей страны прослеживается за счет показателей количества и статуса проводимых спортивных мероприятий, а также успеха выступления сборной на них. Российская Федерация вошла в тройку наиболее влиятельных спортивных держав в мире в 2012 году. В связи с этим страна получила статус одного из лидеров мирового спорта на период с 2013 по 2018 гг. Успех в спорте высших достижений приносит ощутимые репутационные дивиденды. Государство придает существенное значение спорту, как одному из главных факторов формирования привлекательности и капитализации страны, который, в свою очередь, создает необходимые предпосылки для формирования бренда самой страны. Суммируя данные факторы из спортивной жизни РФ, можно говорить о явлении спортивного брендинга. Олимпийские игры в Сочи — пример масштабного PR-явления с грамотным маркетингом в олимпийском движении.

Олимпиада «Сочи-2014» — национальный PR-проект. Главная идея здесь, очевидно, в том, что Сочи-2014 будут способствовать экономическому процветанию юга России и, самое главное, восстановлению международного престижа страны. Своего рода, политический миф о великодержавности России, в том числе — «Россия — спортивная держава».

Можно заключить, что спортивный брендинг — инструмент формирования современного имиджа России за рубежом. Привлекательность же политического имиджа страны есть не что

иное, как инструмент «мягкой силы» в государственной политике страны. Так, один из основоположников теории «мягкой силы» Русакова О. Ф., отмечает: «В эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции инструментарий «мягкой» силы стал рассматриваться политиками и теоретиками в качестве важного ресурса внешнеполитической мощи стран, претендующих на статус мирового центра или полюса власти»¹.

Все вышеуказанное подтверждает главный тезис нашего исследования: спорт сегодня, это, главным образом, ресурс и механизм реализации государственной стратегии Российской Федерации. Одной из задач, решаемых посредством спортивного фактора — консолидация страны и регионов.

¹ Русакова О. Ф. Концепт «мягкой» силы (softpower) в современной политической философии [Электронный ресурс]//Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – Режим доступа :file:///C:/Users/Irina/Desktop/-files-publ-eshegodnik-2010-13.pdf

Section 5. Political problems of international relations, global and regional development

*Nikolaev Ilya Olegovich,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Northwest Institute of Management,
graduated student of «International affairs»
E-mail: nikolaev.jr@gmail.com*

PROSPECTS FOR TRANSFORMATION OF RUSSIAN-US NUCLEAR ARMS CONTROL

*Николаев Илья Олегович,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при президенте Российской Федерации.
Северо-западный институт управления,
кафедра «Международных отношений»
E-mail: nikolaev.jr@gmail.com*

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКОГО КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМ ОРУЖИЕМ

В период холодной войны главным направлением развития стратегических сил сверхдержав являлось сокращение времени подготовки баллистических ракет к пуску после получения санкции государственного руководства. Это направление достигло своего высшего воплощения в стратегии «ответно-встречного удара» (далее ОВУ)¹.

ОВУ — самый напряженный вариант воплощения доктрины ядерного сдерживания. Главное основание ОВУ — уязвимость командных центров военно-политического руководства и самих стратегических сил для контрсилового удара противника². Спустя четверть века после окончания холодной войны имеются серьезные основания для взаимного пересмотра таких концепций³.

¹ Другие обозначения того же понятия: «встречный удар» и «запуск по предупреждению».

² Эспин JJ. Угрозы национальной безопасности США и новые задачи вооруженных сил // США-ЭПИ. 1993. – № 9. – с. 13–17.

³ Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. – М.: Московский Центр Карнеги, 2005. – 82 с.

Подлетное время межконтинентальной баллистической ракеты (далее МБР) при ударе США по СССР/России или в обратном направлении составляет 30 минут. С начала 80-х годов после появления контрсилосового потенциала у Баллистических ракет подводных лодок (далее БРПЛ) требования к системам ОВУ еще более ужесточились ввиду сокращения подлетного времени баллистических носителей до 15–20 минут, а с развертыванием в Европе баллистических ракет средней дальности «Першинг-2» — до 7–10 минут¹.

В ответ на это в 80-е годы была создана система «Периметр» (еще названная «Мертвая рука»). Система даже в случае уничтожения военно-политического руководства в автоматическом режиме обеспечивала нанесение ответного удара на основе идентификации разных физических признаков ядерного нападения².

Опасность непреднамеренного обмена ядерными ударами всегда оставалась высокой как результат технического сбоя или неправильной оценки информации СПРН. За время холодной войны случались ложные тревоги со стороны СПРН США и Советского Союза. Благодаря «человеческому фактору» в оценке сигнала тревоги и общей военной обстановки они не повлекли обмена ударами.

Из девяти ядерных государств только Россия и США имеют концепции ответно-встречного удара (ОВУ) в своей ядерной стратегии и обладают соответствующей технической базой для ее осуществления. Другие государства — обладатели ЯО не имеют существенного контрсилосового потенциала против сил США или России и для ответного удара по ним двум главным ядерным державам не нужна концепция ОВУ.

В политических и военных кругах России и США присутствует сильная приверженность концепции ОВУ. Она согласуется с традиционной военной логикой, по которой высокая боеготовность и способность немедленного ответного удара — это преимущество и важнейшая задача боевой подготовки вооруженных сил и средств.

Приведем ряд доводов в пользу сохранения этой концепции:

1. При осуществлении ОВУ, несмотря на все сложности такой операции, системы СПРН и боевого управления фактически будут действовать в режиме мирного времени в отличие от непредсказуемых условий после принятия ядерного удара противника.

2. Не будучи запущены по предупреждению СПРН, МБР наземного базирования будут существенно ослаблены в результате контрсилосового удара противника по стартовым шахтам ракет.

3. Вероятность развертывания эшелонированной ПРО США и массового внедрения ВТО большой дальности в перспективе повышает ценность концепции ОВУ для России в целях ухода от поражения в местах базирования и для перенасыщения оборонительных систем противника.

4. Взаимный отказ от ОВУ будет или неконтролируемым (как прежние соглашения о ненацеливании ракет друг на друга), или слишком сложным как объект переговоров.

Однако концепцию и соответствующие планы по ее реализации следует признать опасным наследием холодной войны потому что:

1. В современных политических реалиях вероятность внезапного ядерного удара США и России друг по другу, на которую была рассчитана стратегия ОВУ, практически близка к нулю³. Паника в некоторых российских СМИ по поводу угрозы американской ПРО и высокоточных средств большой дальности в неядерном оснащении (прежде всего КРМБ и КРВБ) в военно-техническом плане обосновательна, а в политическом — контрпродуктивна.

¹ Афонин Роман Николаевич. Российско-американские отношения в области сокращения и ограничения стратегических вооружений и стратегическая стабильность : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 : Москва, 2003 217 с. РГБ ОД, 61:04–23/128

² Широкоград А. Мертвая рука. НВО, № 13, 8–9 апреля 2010 г.

³ U.S.A.: White Paper on a Fissile Material Cutoff Treaty Conference on Disarmament. U.S. Department of State (<http://www.state.gov/t/isn/rls/other/66901.htm>).

2. Учитывая совершенно иные по сравнению с периодом глобальной конфронтации нынешние ставки в любом мыслимом конфликте двух держав, критерии «неприемлемого ущерба» агрессору в ответном ударе могут быть радикально понижены. Угроза потери одного или нескольких крупных городов вполне достаточна для сдерживания ядерного нападения одной из держав на другую.

3. Устойчивость СЯС двух держав все меньше зависит от ОВУ. В снижающихся количественных потолках стратегических сил американцы переносят все большую часть своего потенциала на ракеты морского базирования и переоборудуют их часть для неядерных задач. Россия делает упор на наземно-мобильные МБР («Тополь», «Тополь-М», РС-24 «Ярс» с РГЧ), которые могут быть запущены по сигналу СПРН, но не нуждаются в этом для осуществления ответного удара ввиду их повышенной устойчивости.

4. Распространение ядерного оружия и ракетных технологий в мире, в том числе среди и неустойчивых режимов и экстремистских группировок, увеличивает вероятность случайных и провокационных запусков баллистических и крылатых ракет и ядерных террористических актов, в том числе в столицах великих держав.

Существуют альтернативные решения проблем, особенно необходимые в новых условиях: выделение денег для завершения строительства центральных командных пунктов абсолютной защищенности, создание дублирующих авиационных командных пунктов, расширение масштабов развертывания мобильных ракет и строительства дорог и мостов, их защита мобильными зенитными средствами.

Наряду с такими мерами взаимный отказ от ОВУ укрепил бы национальную и международную безопасность в принципиально новых условиях современности¹.

В кругах сторонников ядерного разоружения вот уже много лет популярна идея понижения боевой готовности ядерных сил держав. Она стала одним из 13 пунктов рекомендаций Конференции по рассмотрению ДНЯО 2000 года².

Время для таких мер наступит после выполнения условий Договора по СНВ-3, вслед за завершением переговоров о дальнейших сокращениях СЯС (например, до уровней в 1000–1200 боезарядов) или параллельно с ними. Тогда простое линейное физическое сокращение американских и российских СЯС ниже уровней порядка 1000 боезарядов (до потолков 800–300 боеголовки) окажется дестабилизирующим. С меньшим количеством ядерных вооружений тенденцией планов боевого применения СЯС обеих сторон станет сосредоточение на СПРН, узлах связи и пунктах боевого управления, что повысит акцент на упреждающий удар в случае кризиса³.

Линейное сокращение остро поставит вопросы ограничения систем ПРО, ядерных сил третьих стран, тактического ядерного оружия, которые будет крайне сложно решить одним шагом. Поэтапное снижение боеготовности СЯС, наоборот, увеличит стабильность ядерного баланса и позволит проще решать сопутствующие вопросы.

Поэтапное снижение требует сложных переговоров и благоприятного политического климата взаимного доверия сторон. Значительная часть комплекса организационных и технических мер, направленных на снижение боеготовности через «обратимую деактивацию», разработана российскими специалистами в 90-е годы⁴.

¹ Арбатов А. А. СНВ и новые шаги к взаимному доверию // URL: <http://www.ng.ru/forum/forum3/topic109593/>

² 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons Final Document Volume I, p.14–15.

³ Рогов С. М., Есин В. И., Золотарев П. С. Могут ли Россия и США отказаться от взаимного ядерного устрашения? // Вестник Российской Академии Наук, 2005, том 75, № 2, с. 103–116

⁴ Эксперты предлагают комплекс мер доверия по стратегическим вооружениям от 02.07.2004. // http://nvo.ng.ru/concepts/2004-07-02/4_doklad.html

На первом этапе можно «деактивировать» СЯС двух держав так, чтобы в состоянии боеготовности осталось не более 700 из 1000 боезарядов. При этом в отличие от метода «разгрузки» при сокращении стратегических боеголовок по Договору СНВ-1 и новому соглашению по СНВ «деактивация» предполагала бы полное снятие головных частей ракет, или извлечение ракет из ПУ, или какие-то другие меры обратимого демонтажа пусковых установок.

Следующий этап мог бы снизить уровень до 500 боезарядов и т. д. Поскольку такие меры неприменимы к подводным лодкам в море, пришлось бы резко уменьшить их долю, находящуюся в море. Это фактически устранило бы контрсилую угрозу для российских МБР. Оставшиеся боеготовыми силы двух держав обеспечивали бы исключительно потенциал «глубокого» ответного удара ограниченными, но достаточными средствами — в максимальном соответствии с принципами стратегической стабильности.

Приведенные выше меры не могут осуществляться изолированно. По мере сокращения СЯС двух держав и последовательного понижения их готовности к применению по сигналу СПРН, встанут смежные стратегические проблемы: взаимосвязь с системами ПРО, ограничение сил третьих ядерных государств, оперативно-тактические ядерные вооружения, особенно американские средства в Европе, стратегические обычные высокоточные вооружения и пр.

Рассмотрение и становление новых рамок отношений по стратегическим вооружениям между Россией и США, в первую очередь, должно отталкиваться от понимания того, что миропорядок изменился¹. После окончания холодной войны российско-американские отношения рассматриваются как системообразующий фактор современного мира, но при этом, от того, как будут складываться отношения между Россией и США в области стратегических вооружений зависит процесс противодействия распространению оружия массового уничтожения и международные процессы по укреплению стратегической стабильности.

Новые направления двухсторонних отношений между Россией и США в области стратегических ядерных вооружений необходимы². По мнению автора в их основу должно быть положено, укрепление стратегической стабильности и международной безопасности, предотвращение милитаризации и гонки вооружений в космосе, использование космического пространства мировым сообществом в мирных целях, предотвращение распространения ракет и ракетных технологий, а также развитие и использование высокоточного оружия³.

Развитие новых направлений стратегических отношений должны быть направлены на разрешение противоречия в результате различных подходов между новым уровнем политических взаимоотношений Востока и Запада, без опоры на ядерное оружие⁴.

Но добиться этого можно будет лишь при выполнении определенных мероприятий, основанных на информированности сторон:

- о принципах обеспечения ядерного сдерживания, формах и способах применения ядерного оружия и принципах ядерного планирования, ядерном потенциале других государств, оценками процесса распространения ядерного оружия и средств доставки, оценками возможностей по созданию ядерной угрозы каждой из сторон со стороны других стран;

¹ Cirincione J. Bomb Scare: The History and Future of Nuclear Weapons. - New York: Columbia University Press, 2007. - 450 p.

² Сидорова Е. А. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия и правовые проблемы его укрепления: Дис. на соиск. уч. ст. кан. юрид. н. М., 2010.

³ Einhorn R., Gottemoeller R., McGoldrick F., Poneman D., Wolfsthal J. The U.S.-Russia Civil Nuclear Agreement: A Framework for Cooperation. - Washington D. C.: CSIS, 2008. - 96 p.

⁴ Evans G., Kawaguchi Y. Eliminating Nuclear Threats: A Practical Agenda for Global Policymakers. - International Commission on Nuclear Non-proliferation and Disarmament, 2009. - 294 p.

- о составе и перспективах развития группировки стратегических ядерных сил, возможном подлетном времени и нахождении носителей ядерного оружия в районах, из которых обеспечивается минимальное подлетное время предстоящих пусков ракет, возможности своевременного обнаружения, независимо от районов, пусков ракет и обмена в реальном масштабе времени всей полнотой информации об обнаруженных пусках и возможной государственной принадлежности носителей;

- о переводе стратегических ядерных сил в повышенные степени готовности.

В мерах доверия условно можно выделить две области — политическую и военную¹. В политической области меры доверия должны быть симметричными и их цель должна обеспечивать такой уровень открытости в отношении ядерной политики каждого из государств, который компенсировал бы отсутствие союзнических отношений и давал бы полную ясность о взглядах каждой из сторон на принципы обеспечения ядерного сдерживания, условия, формы и способы применения ядерного оружия. В комплекс мер доверия в этой области должен входить не только обмен официальными документами, раскрывающими суть ядерной политики каждой из сторон, но и проведение периодических взаимных консультаций экспертов. Это позволит обеспечить ясность в вопросах ядерной политики каждой из сторон и влиять на формирование объективного общественного мнения по этим вопросам.

Кроме того, в комплекс мер доверия должен входить и взаимный обмен, проведение взаимных консультаций, обмен результатами анализа процесса распространения ядерного оружия и его носителей².

В военной сфере меры доверия останутся асимметричными, из-за разницы самой структуры стратегических ядерных сил и наличия у сторон в той или иной области существенных преимуществ. В ряде случаев это могут быть односторонние меры, выполняемые одной из сторон.

Основное внимание, по задачам взаимного информирования сторон о составе и перспективах развития группировки стратегических ядерных сил должно быть сосредоточено на тех параметрах, которые влияют на возможность проведения упреждающего удара по объектам стратегических ядерных сил сторон. Это может быть информация о разрабатываемых или имеющихся в наличии и размещенных на носителях ядерных боеприпасов, предназначенных для поражения высокозащищенных объектов (пунктов управления, шахтных пусковых установок), иных типов ядерных боеприпасов, предназначенных для поражения элементов системы управления. Кроме этого, может быть и информация о том, какие боеприпасы (на шахтных пусковых установках, на ПЛАРБ, крылатых ракетах и т. д.) установлены на носителях, или предполагается установить.

Объем информации для взаимообмена будет зависеть от степени наличия у той или другой стороны, упомянутых ранее средств. Если одна из сторон не обладает такими средствами, то другая сторона должна ее исчерпывающе информировать о своих возможностях — то есть обмен информацией может носить асимметричный характер.

Одновременно, к процессу расширения возможностей системы, а также к числу получателей информации должны иметь возможность присоединиться и другие страны. Создание подобной системы позволит в информационном плане подготовиться к той угрозе, которой так опасаются США — от так называемых стран «изгоев»³.

По мнению автора исследования, дополнительными мерами доверия в военной области могут стать:

1. Принятие обязательства неядерными государствами о не развертывании ядерного оружия других стран на своей территории и на территориях других стран.

¹ Governing the Bomb: Civilian Control and Democratic Accountability of Nuclear Weapons/Ed. by H. Born, B. Gill, H. Hiinggi. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 249 p.

² Meyer S. The Dynamics of Nuclear Proliferation. – Washington, D. C.: FAS/NRDC, 2009. – 246 p.

³ Nuclear Risk Reduction in South Asia. - New York: Palgrave Macmillan, 2004.-288 p.

2. Начало консультаций между Постоянными Членами Совета Безопасности по проблемам ядерного разоружения и стратегической стабильности, включая ограничения защитных систем и их элементов

3. Начало независимой работы над Конференцией по разоружению по проблемам предотвращения гонки вооружений в космосе и на нераспространении ракет

4. Установление механизма консультаций для разрешения возникших споров и механизма контроля, которые будут основаны на взаимных мерах доверия и транспарентности в космической деятельности, включая проведение инспекций и посещение мест запуска космических объектов.

Выполнение вышеперечисленных мер доверия станут одним из вариантов развития стратегических отношений между Россией и США, а подкрепление их практическими делами, сможет сохранить состояние взаимного ядерного сдерживания и снизить до минимума риски, связанные с пребыванием в этом состоянии. Учитывая же, что формирование новых рамок стратегической стабильности больше не может ограничиваться двусторонним российско-американским диалогом, целесообразно придать ему многосторонний характер сотрудничества, путем привлечения различных стран к диалогу и сотрудничеству. Участниками такого диалога и сотрудничества станут не только европейские державы, но и Китай, Индия, Пакистан, Япония и другие. Приобщение же большего количества ядерных стран к комплексу мер доверия в ядерной области могло бы ускорить в будущем их подключение к договорному процессу по ограничению стратегических наступательных вооружений и создало бы позитивные предпосылки к укреплению стратегической стабильности в мире.

CONTENTS

Section 1. History of the world	3
<i>Gusarova Anastasiia Valeriivna</i> JAPAN'S LINE OF POLICY IN THE SPHERE OF EDUCATION IN THE 1980s	3
<i>Shishlov Maxim Ivanovich</i> ECONOMY AND CULTURE OF KAZAKH PEOPLE IN PAPRES OF RUSSAIN RESEACHERS IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY.....	6
Section 2. Historiography, source criticism and methods of historic research	8
<i>Dalibor M. Elezović</i> HISTORIANS IN THE AGE OF DIGITALIZATION OF ARCHIVAL DOCUMENTS.....	8
<i>Merkulova Anastasiia</i> DIE GESCHICHTE OSTPREUSSENS IM ZWEITEN WELTKRIEG IN DEN SOWJETISCHEN UND RUSSISCHEN HISTORIOGRAFIEN.....	11
Section 3. History of Russia	14
<i>Adukanova Nadezhda Anatolevna</i> DEFORMATION OF THE CHURCH-STATE RELATIONS IN KAMCHATKA IN 1920 — EARLY 1930S	14
<i>Bleich Nadezhda Oskarovna</i> EDUCATION CHARACTERISTICS OF THE NORTH DURING THE REVOLUTIONARY PERIOD BEGINNING OF XX CENTURY.....	19
<i>Kilmetova Olesya Radikovna</i> THE STATISTICS OF BATTLE LOSSES AMONG MOSLEM SOLDIERS OF SOUTH -WEST OF UFA PROVINCE IN AUGUST 1914	24
<i>Fayzerahmanova Guzel Robertovna</i> WINTER ADVANCE OF RED ARMY ON UFIMIAN PROVINCE TERRITORY.....	28
Section 4. Political institutes, processes and technologies	30
<i>Korneeva Vera Aleksandrovna</i> THE POLITICIZATION OF SPORT AS A NATIONAL RESOURCE: REGIONAL AND INTERNATIONAL ASPECTS	30
Section 5. Political problems of international relations, global and regional development	33
<i>Nikolaev Ilya Olegovich</i> PROSPECTS FOR TRANSFORMATION OF RUSSIAN-US NUCLEAR ARMS CONTROL.....	33